

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Богатые тоже скачут,
или Где спит совесть

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Мы сами не местные... Нас украли! И зря он это сделал! Так примерно рассуждала Джул, очнувшись в доме миллионера Никоса Кази-диса. Если кто-то рассчитывал на страстное чувство, то он не ошибся! Чувство страстное и пламенное, но... к бытовым пакостям. Кому, кроме Джул, знать, как наказывать за проступки? Почему?! Ну, ей виднее по должности, а вам придется прочитать эту увлекательную историю, чтобы понять. Будет свадьба, будет любовь, будет много смеха и даже слезы, но скучно не будет никому!

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Богатые тоже скачут, или Где спит совесть

* * *

*История, изложенная в этой книге, полностью выдумана.
Любые совпадения случайны.*

Мы сердечно благодарим всех тех, кто помогал нам в написании этой книги – в первую очередь наших родных и близких, которые доброжелательно терпели наши частые побеги от семьи и прямых обязанностей.

Мы безмерно благодарны помощи наших самых преданных друзей и читателей: Ларисе Геймбух за неутомимую работу беты; Голубевой Анне, Юлии Алишевой, Людмиле Бессоновой, Баире Илупаевой, Валентине Глинской и Марии Лебедевой – за любезно предоставленные прототипы персонажей. А также мы благодарны нашим активистам: Светлане Исайкиной, Екатерине – Скай, Ольге Артамоновой, Анастасии Тютюнник, Елене Глазковой, Елене Ивановой, Инне Ермолиной, Марии Коломиец, Анне Бескоровайной, Светлане Плахуте, Анне Негазиной, Наталье Тереховой, Ирине Царевой, Наталье Веприковой, Анне Князевой, tanya9_73, Людмиле Москвиной и Anastasiya.

Нам бы пришлось туго без Инны Човбан, Вероники Науман, Ольги Булавиной, Иры Манко, Инессы Лаги, Ирины Киселевой, Ларисы Ивановой, Ольги Давыдовой, Екатерины Жигульской, Наталии Вожжовой, Виктории Буториной, Евгении Поликарповой и Ольги Назаренко.

Девочки, знайте – без вас и вашей поддержки эта книга никогда бы не была написана!

Горячо благодарим сотрудников издательства, работавших над книгой.

Спасибо также тем, кто нас неутомимо хвалит и ругает в любых электронных библиотеках, – благодаря вам мы не тратим лишнее время на самолюбование и больше трудимся на благо родины.

Но больше всех мы благодарим себя – за то, что превозмогли и смогли.

Наглухо занавешенные окна комнаты. Толстый слой пыли. Застоявшийся, спертый воздух и вязкая, сонная тишина. Брошенные как попало, сваленные в беспорядке вещи, ноутбук, застывший бесполезным томом пластика и металла. На столе нетронутый поднос с остывшей едой...

Худенькая девчушка с темными кругами под глазами сидела скрючившись и монотонно покачиваясь в глубоком кожаном кресле. Глаза безучастно вперились в тоненький золотой браслет с гравировкой «My love», который она держала в руках. Точно такие же надписи-татуировки пятнали щиколотку и бедро измученной пепельной блондинки.

Внутренности выжигала дикая непереносимая боль. В голове билась одна мысль: *«Вот бы уйти! Забыться и уснуть, забыться... не быть...»*

Зазвонил телефон. Включился автоответчик. Голосом мамы:

– Сабрина, милая, возьми немедленно трубку! Я знаю, что ты дома!

Девушка не пошевелилась.

– Доченька, тебе надо поесть! И не забудь принять таблетки, которые тебе выписал доктор.

Ноль реакции.

– Ладно, учти – я перезвоню позже.

Отбой.

Внезапно безучастность взорвалась ливнем ранящих осколков. Девушка вскочила и резко выдернула телефонный шнур:

– Как вы мне надоели! Когда же вы от меня отстанете наконец!

Заметалась по комнатке:

– Как вы не понимаете – кроме него, мне никто, никто не нужен!!!

Сабрина встряхнулась и схватила мобильный. В тысячный раз нажала знакомую комбинацию кнопок «горячего» вызова. И получила такой же знакомый ответ: «Абонент вне зоны доступа».

Он больше не желает ее слышать и знать. Почему?! Ведь поначалу он сам ее... Что, если в этот самый миг он обнимает другую девушку, шепчет на ушко то, что обещал ей, Сабрине?

Девушка горько разрыдалась, жалко всхлипывая и размазывая слезы по лицу. Вскоре слезы иссякли. Дрожащими руками она утерлась бумажным полотенцем, с тоской глядя на распухший нос и красные глаза в зеркале.

Сабрине необходимо еще раз его увидеть, поговорить, объяснить! Он поймет. Это какое-то недоразумение. Он не может не понять. Он чуткий. Самый лучший, самый умный, самый любимый и родной!

Потому что если не так, если он играл, то для Сабрины все кончено. Тогда она для него была вещью! Теперь она грязная, поломанная вещь, игрушка, которую не отмыть – навеки замарана.

Ею попользовались всласть – и выкинули на свалку...

Села.

– А если все не так? Если он не подлец, не обманщик; если у него просто нет сердца? Если ему Богом не дано любить?.. – Девушка прижала хрупкие, тоненькие пальчики к вискам

и трянула головой. Непрошенные слезы побежали по щекам. – Боже, бедненький, как ему тогда, должно быть, невыносимо тяжело жить! – Воскликнула, оживая: – Ему нужно обязательно помочь!

Долой сомнения! Решено. Нам надо еще раз встретиться и поговорить.

– Аэропорт? Я хочу забронировать на сегодня билет на рейс до... Да, да. Подходит.

Длинноногая блондинка вскочила, встряхнулась и понеслась в прихожую. Сжав до побелевших пальцев ключи от автомобиля, посмотрела в зеркало, беззвучно повторяя: «*Я смогу! Я помогу! Ради него все вынесу!*»

Чуть позднее...

Скользкая дорога, визг тормозов и краткий миг падения. Жар пламени и едкий запах гари. Растерзанное хрупкое тело в покореженной груди металла на камнях далеко внизу.

«Господи! – последняя мысль угасающего разума. – Прошу Тебя, Господи, помоги ему, пусть он узнает, как можно по-настоящему любить!»

Где-то там наверху горячая молитва была услышана. Шевельнулись спящие шестеренки, приводя в движение Жернова Судьбы.

Почему я должен оттяпать только руку по локоть? – подумал крокодил. – Если я могу съесть все?!!

– Да-а-а... Это не Рио-де-Жанейро, – сообразила я, рассматривая красивый лепной потолок.

В его центре был «небесный» медальон, на четырех позолоченных «веревочках» которого яростно надувал пухлые щеки, трубя в трубу, явно перекормленный ангелочек и стыдливо поддерживал что-то типа носового платка, прикрывая то, о чем в приличном обществе неприлично шепчутся.

– Феерично, – сказала вслух и попыталась встать с того, на чем покоилось с миром мое тело. Мое ложе оказалось кроватью, кстати такой же незнакомой, как и потолок.

– Привет! – решила я проблему и представилась: – Меня зовут Джул.

Просторная «пятизвездочная» кровать была предметом неодушевленным и, следовательно, невоспитанным. Она не поздоровалась.

Пахло розовыми лепестками и чем-то хвойно-терпким.

– Буду звать тебя кровать, – решила я, рыская глазами по ошеломляюще громадной комнате с архитектурно вычурными окнами, залитыми щедрым солнцем.

Стены роскошных апартаментов были украшены венецианской штукатуркой цвета слоновой кости с двойным широким золотистым ободком лепнины у потолка. Светлые деревянные полы, покрытые прозрачным лаком, дарили ощущение теплого живого дерева. Натяжной потолок с фотопринтом облаков создавали объемное впечатление круглого окошка в небо с подвешенным на цепях херувимчиком. Над окнами и дверью – белые арки с золотыми лепными узорами.

И никаких кресел или стульев! Голо.

– Кто-то очень пожалел мебели, – отметила я.

Судите сами: всю скудную обстановку составляла кровать со встроенными тумбочками, накрытая по-готически просто – черным шелковым бельем.

– Декаданс, – фыркнула я, яростно почесывая бедро. – Причем моральный.

Точно такое же явление происходило в моей голове – полный упадок умственной деятельности и отсутствие какого-нибудь объяснения, почему я здесь нахожусь. Последнее воспоминание – укол в бедро на темной парковке – и... все. Финита ля комедия! Получите расписной потолок, монстра в траурном убранстве и амура вдогонку. Для пущего эффекта, наверное.

Я вздохнула, еще раз почесала пострадавшее бедро и пошла искать приключений на все части тела.

При более тщательном осмотре обнаружили четыре двери.

– Больше всего мне нравится та, что заперта, – призналась я себе и пошла в ванную.

Ванная встретила меня все тем же гигантизмом и розовым мрамором... с теми же ангелами. Только их стало больше, и они уже не трубили, а весело отплясывали сиртаки, размахивая крыльями. Но на данный отрезок времени меня это мало волновало. Даже если бы амур отплясывали брейк-данс. Потому что я наконец-то углядела, во что меня нарядили – нет! – вырядили.

Эту полупрозрачную вульгарную тряпочку с разрезами со всех сторон, на мой взгляд, не просто нельзя носить, ее нужно спрятать! Далеко и глубоко. Под землю. Желательно тому, кто ее создал! Чтобы больше никого не позорить.

– Если ЭТО призвано соблазнять... – покрутилась я перед зеркалом во всю стену, отбрасывая за спину тяжелую копну золотистых волос, достигающих тонкой талии, – то у кого-то совершенно отсутствует чувство меры, вкуса, такта и воображение! Нужно срочно принять меры!

И я решительно направилась в гардеробную. Там меня постигло жуткое разочарование во всем человечестве, потому как в развалах дорогущего барахла не было ни одной приличной вещи. Совсем! Ни единой! Зато неприличных – целый мировой океан! Газ, органза, кружево, сетка, перья, стразы, блески... Продолжать нужно? И заканчивалось все это безобразие на полметра ниже шеи и на метр выше колен.

– Если это одежда, то я Микки-Маус! – вконец обозлилась я и полезла на раскопки.

Первый раз мне повезло в залежах купальников. Среди бикини, мини-бикини, мини-мини-бикини и совсем уж лепестков на стратегически важные места мне – о радость! о счастье! – попался сплошной купальник.

Я зело возрадовалась, словно волею судьбы отрыла в песках Египта как минимум еще одного Тутанхамона... с золотым саркофагом в придачу.

Второй раз я пришла в восторг, когда среди тех штучек, призванных называться обувью (видимо, по чистому недоразумению!), отыскалась пара стильных греческих сандалий без двенадцатидюймовых каблучков, ноголомных танкеток, перьев, царапающихся страз размером с хороший бульжник и помпонов.

УР-РА-А!!!

Теперь мои раскопки ушли в недра парео и платков. Здесь долго копать не пришлось, и вскоре я радостно сооружала тунику поверх сплошного купальника. Смотрелось если не стильно, то хотя бы прилично.

Следующим местом моего изыскательского досуга оказался широкий балкон, нависающий над ухоженным садом.

Перевесившись через перила, я путем несложных математических вычислений обнаружила, что меня и амуров заперли на втором этаже.

Под балконом простиралась роща из оливковых и кипарисовых деревьев.

– Это мне нравится! – поведала я себе, вися вниз головой.

– А мне нравится этот вид! – раздался сзади мужской голос.

Как пишут в женских романах: «Звук этого густого, сексуального голоса привел ее в замешательство и послал мириады иголок по всему телу, оголяя нервные окончания», – да?

Просто урок анатомии какой-то! Так вот, на меня этот набор звуков оказал прямо противоположное влияние. Захотелось порвать и укусить.

– Ой! – подыграла я мужскому эго и, шустро развернувшись, выпрямилась, прижимая руки к груди, а попу к перилам.

На меня взирал с эдаким снисхождением великолепный образчик мужского шовинизма и эгоизма. Современный Геракл!

Темные, слегка выющиеся волосы длиной до плеч зачесаны назад. Жгуче-черные, жестокие глаза под тяжелыми веками в тени густых длинных ресниц. Высокий рост, хорошая фигура. Словом, море мужского обаяния и воплощенного греха ростом шесть футов и три дюйма^[1]. Тридцать два года. Холост. Грек. Никос Казидис.

Хм... Николаос... «победа народа»... Назвали небось в честь святого Николая...

Как же, как же! Плейбой, Казанова и бабник. Три в одном. Обширное либидо, гуляющее в разные стороны, но большей частью налево.

Я на Корфу.

– Привет! – сказало это воплощение вселенского соблазна и радостно улыбнулось всеми еще оставшимися зубами, посверкивая на солнце ровными рядами будущих зубных имплантов.

Я решила побыть сегодня ради разнообразия вежливой и тоже ощерилась в ответ. И, поверьте, я совершенно не виновата, если моя улыбка напоминала оскал некормленной гиены!

– Ну, милая, давай познакомимся поближе! – на английском радостно продолжил общение баловень судьбы. Бывший, но он об этом еще не знает!

Красавчик попытался приблизиться...

Я улыбнулась еще шире и, сделав немислимый кульбит, перепрыгнула с балкона на оливу и быстро спустилась вниз, цепко и осторожно перемещаясь по хрупким колючим веткам и морщинистому стволу.

Древнегреческие легенды гласят: из оливы были сделаны те самые знаменитые палицы Геракла. У Гомера заостренной палкой из оливкового дерева Одиссей победил циклопа в одноименной поэме. Для меня же олива стала залогом моей будущей победы. Что сказать, символично.

– Стой, вернись! – заорал мигот потерявший большую часть спеси черноглазый мужчина.

И я называла Никоса Гераклом? Не права, каюсь. Он Геракакл.

– Сумасшедшая! – Глаза у мужика стали огромными. Просто чудеса безоперационной хирургии.

Как, птенчик?! Уже не «милая»?.. Быстро меня разжаловали!

– Немедленно вернись!

Угумс. Щас! Жди!

Я подмигнула растерянному мачо и резво поскакала в нужную сторону, прячась за кустами.

Отойдя на некоторое расстояние, провела рекогносцировку.

Итог: Божьей милостью меня занесло в окрестности не просто виллы, а шикарнейшего греческого поместья. Потому что на громадной территории в добрый десяток гектаров этих самых вилл было целых две, не считая вспомогательных построек. И обе – каменные домины немаленьких размеров.

Первая, так сказать, штаб-квартира – думается, имела площадь в полгектара, не меньше. Грубо обтесанный светлый камень, массивная кладка с декоративными вкраплениями кирпича, множество арок и удивительное изящество линий.

Строение венчала светлая черепичная крыша под старину.

Словом, типичная греческая архитектура. Мало того, в здание виллы привнесено все самое лучшее, что отличает архитектуру эллинов от любой другой – воздушность конструкций, натуральный материал, тонкий вкус и поразительно гармоничное сочетание с окружающим ландшафтом.

Вторая вилла немного уступала первой в размере, но предназначалась, скорее всего, для функции пляжной или гостевой. Меньше этажей, половина помещений полуоткрыта, выходы направлены в сторону моря.

Многочисленные, по краю увитые плетями цветущей бугенвиллеи и винограда изумрудные террасы плавно спускаются к дикому каменистому пляжу. Несколько небольших полос виноградников вдоль лестниц. На каждом шагу сторожевые лепешки опунций с желто-оранжевыми плодами, декоративные гибискусы, гранатовые деревья, сделанные в виде бонсай, с алеющими шариками гранатов.

Недалеко от главной виллы расположен большой бассейн с кристально чистой водой, выложенный светлой мраморной плиткой и кое-где изразцами с высокохудожественными изображениями а-ля Древняя Эллада и оснащенный современной подсветкой.

А сама территория – изумительный сад, зеленый и живой, дышащий прохладой и дающий тень. Даже не сад – сады на террасах! Вьющиеся и кустовые розы, плантации диких лечебных трав, среди них – пахучий тимьян и средиземноморская душица, которую здесь нежно называют «ригани». Пальмы, оливы, огромное количество разнообразных фруктовых деревьев – от лимонного и апельсинового до мушмулы и айвы. Каждый клочок земли ухожен и обихожен. Все на капельном поливе, все бурно растет, цветет и плодоносит.

Голоса птиц, шум моря и ментальная тишина. Рай, да и только!

Рай для богачей, да. Вот только мне тут не место!

Отдалившись на достаточно безопасное расстояние, засела в кустах. Пока рассматривала основную виллу и прикидывала некоторые догадки, заплела косу и обмотала голову еще одним куском ткани.

– Это есть гуд! – уверила себя. – Робин Гуд! – И короткими перебежками направилась обратно к зданию.

Трехэтажное строение по форме напоминало прямоугольник, и мне понадобилось совсем немного времени, чтобы обнаружить бойлерную.

Поскольку похититель рассчитывал на нежный междусобойчик, то окрестности были пустынные и необитаемы.

Свои грешки Никос, видимо, предпочитал не афишировать, и мой прямой долг был его переубедить! Поэтому я просочилась вовнутрь и, немного поизучав систему кондиционирования, полезла рассматривать жизнь богатых с изнанки. Изнанка оказалась пыльная, местами пахла железом и туалетным освежителем.

Когда мои колени уже были готовы заявить хозяйке ноту протеста и подкрепить длинной петицией в свою защиту, я услышала:

– Я сказал – найди ее!!! Не-мед-лен-но!

Опа! Это меня? Или тут еще кто-то кустами пробежал?

– Мы ищем! – отозвался второй более грубым голосом. – Но для ускорения поиска могу ли я хотя бы получить фото искомого объекта?

– Двадцать шесть лет, американка. Рост... пять футов и девять дюймов. Спортивная, стройная, с длинными ногами. Надменная. Мужчинам не доверяет. В общем, несмотря на шикарную от природы внешность, одевается и ведет себя как типичный синий чулок.

Э? Я могу и обидеться! Страшно и навеки!

Запуршали бумаги.

– Кра-асивая... – задумчиво сообщил второй, видимо рассматривая мою (а чью ж еще!) физиономию.

Насчет красивой – искренне надеюсь! Не станет же греческий миллионер экономить на мелочах? Хотя... кто их, этих миллионеров, знает! Я еще ни с одним близко знакома не была. И еще я рассчитываю, что фотография получилась удачная...

– Не твое дело! – взорвался Никос. – Неужели так трудно найти на острове полуголую зеленоглазую блондинку без мозгов?! Да она должна колом в глазах стоять! Американка! Неприкакаянная! Без вещей.

И-да-а-а... Как все-таки много о себе узнаёшь нового... за глаза. Ну-ну, пусть еще поплавает в сладких иллюзиях. В последний раз.

Главное, чтобы не утоп раньше времени.

– В смысле ты хочешь, чтобы мы нашли ее тебе без мозгов? – хмыкнул кто-то слишком умный и чересчур здоровый.

Ага. А еще с лишним глазом, подозрительно целой челюстью и возмутительно длинным и неутомимым языком.

– Оставь свои шуточки, Йоргос, – прикрикнул Никос. – Я говорю серьезно!

Йоргос? А! Георгиос! Начальник охраны и верный пес...

– А если серьезно, то зачем тебе какая-то американка? – удивился Георгиос. – Что тебе, русских и европейских девок мало? Так еще мулатки остались. Такие барышни попадаются! Мм...

– Не твое дело!

Казидис начал повторяться и меня разочаровал. Я надеялась на более обширный лексический запас. Не повезло...

– А искать, значит, мое? – вкрадчиво спросил собеседник. – И от последствий избавляться – тоже мое?

– Я тебе за это плачу! – отгрызнулся Никос.

Я улеглась на живот, подложила руки под голову и битый час выслушивала, кто кому за что платит, сколько это стоит нервов и как нужно работать. На повышенных тонах. В ответ неслось не менее эмоциональное – что кто-то в гробу видал таких старших родственников, пусть и богатых, такую работу и поручения, напрямую связанные с частыми прогулками в полицию и возможным длительным отдыхом под сенью решеток.

Разумеется, все излагалось куда более красочно, колоритно и подробно, но суть я изложила верно.

Потом кто-то из них шандарахнул дверью об косяк и наступила тишина, изредка прерываемая шелестом бумаг и клацаньем клавиатуры.

Я уже вся извертелась и успела жутко замерзнуть, когда щелкнула открываемая дверь.

– Ее нигде нет, мы прочесали весь остров!

– Что ты хочешь этим сказать?... – ледяным тоном осведомился Никос. – Что девчонка испарилась?!

– Я хочу сказать – если ты действительно хочешь найти свою ясноглазую красавицу, то должен обратиться в полицию! – отрезал Георгиос.

– Ни за что! – категорично отказался неудачливый похититель. – Йоргос, мне не нужны лишние сплетни и слухи!

Я покивала головой, всячески соглашаясь. Мне они тоже не нужны. Предпочитаю проверенные факты.

– Если девчонка заблудилась – это одно! Но если она выберется в город... лучше твоя версия будет первой, – попытался урезонить бушующего мачо двоюродный братец. – Нужно придумать, что ты им станешь говорить... – Досадливо стукнул рукой о стену – звук стоял... непередаваемый. – И камеры, как назло, все до единой перестали работать!

– А что я могу рассказать, если она здесь без паспорта? – насмешливо и даже чуточку

снисходительно отозвался Никос. – Ее даже слушать не станут! – Хмыкнул. – Документов нет, по-гречески не говорит, обычаев не знает...

– Ты ее что, украл?... – подозрительно приглушенным, безэмоциональным голосом, за которым крылась леденящая бешеная ярость, поинтересовался Георгиос.

Тишина, говорящая больше иных слов.

– Опять?! С ума сошел?! – взорвался Йоргос.

Я жадно слушала.

Родственничек разошелся не на шутку:

– Еле-еле от Интерпола и желтой прессы, которая после той француженки за тобой полгода по пятам ходила, избавились – и снова за старое?! Никак не можешь угомониться? Мало тебе проблем? Она – американка! Да у них, если хочешь знать, принято судиться друг с другом за ручку от сумки! А ты ее, как бесхозный апельсин, запросто взял и умыкнул?! Делать тебе нечего, без конца неприятностей ищешь на свою голову?!

Нет, в чем-то он прав. Только ручка от сумки мне была не нужна. Зато я бы не отказалась от чьего-то скальпа, прибитого на моей входной двери! Казидиса!

– Так найди ее, – отмахнулся от упреков Никос. – И я решу эту проблему. Через пару дней девчонка будет есть у меня с рук и быстро успокоится какой-нибудь золотой побрякушкой.

– Наверно, именно потому она и сбежала, что мечтала золото из твоих рук кушать! – рявкнул Георгиос и умотал в голубые дали, искать светлое будущее в моем лице.

Мое же «лицо» вкупе со светлым будущим осталось лежать в засаде и слушать секретные деловые переговоры. Многое из услышанного мне о-очень понравилось.

Что до камер... конечно, перестали работать, отчего ж нет! Я там немного поковырялась в щитке. «Ноль» и «фаза» были для меня понятиями новыми...

Не ищите приключений! Просто повернитесь к ним тылом, и они сами вас найдут!

– Еще немного, – выстучала я зубами в ритме танго, – и меня можно будет представлять как миссис Клаус...

За время пребывания в жестяном коробе я узнала массу полезных сведений и обогатила свои знания о натуральных блондинках. Оказывается, мы не только тупые и безмозглые, но и обладаем многими деталями, не указанными в анатомическом атласе. Например, даже спинной мозг у нас отсутствует. И думаем мы исключительно тугим кошельком.

Странно... Кошелек у меня не было, но думать я не перестала. Кажется, среди всех блондинок моя персона – поколение next. Блондинка-мутант.

Настало время «Ха» и, подышав на заледеневшие пальцы, я поползла в обратную сторону.

Озверевшие мужики, прочесав огромный остров раз пять вдоль, поперек и по диагонали, наконец утомонились и пошли спать, пожелав перед тем друг другу много приятных вещей.

Некоторые я даже взяла на вооружение. Например: «Чтоб тебе во сне горгона Медуза приснилась и тебя на подвиги больше не тянуло!» Или как вам нравится – «Лучше бы нашел себе корову, бык племенной, и бодался себе в удовольствие!»

Красота!

Я осторожно выползла из притихшего дома и аккуратно, постоянно замирая и осматриваясь, потрусила в нужном направлении.

Забор удалось преодолеть достаточно легко. Благо рядом росло много деревьев и с той и с другой стороны, а сигнализацию так и не починили. Я хозяевам виллы в этом еще и помогла – накрутила кабель на согнутую ветку и... отпустила.

Правда я добрая? И поломку долго искать не придется! Сразу видно.

Пробежка в пятнадцать километров по пересеченной местности далась достаточно легко и позволила согреться душой и телом.

Дальше предстояла сложная задача, но! Кто не рискует, тот общается с Никосом! И я поплыла к причалу на противоположной стороне острова.

Дотянула уже из последних сил и на пределе возможностей, но смелость города берет! Правда, потом не знает, куда складировать то, что жадными ручками пригрела... Впрочем, это уже, как говорится, следующий вопрос.

Мне же предстояло еще очень многое проверить до утра. Например, найти ту самую, нужную яхту. И я ее нашла. И даже вывела в море, уверенной рукой направляя на прибрежные скалы...

Трагедь, да и только!

Раздолбав злосчастную посудину, я наконец-то улеглась на камни, придав себе абсолютно потерянный вид и тщательно распределив на своей гм... «красоте» длинные золотистые волосы, живописно раскинувшиеся среди обломков. Теперь нужно было подождать, кто меня найдет...

Как справедливо заметил сволочной Казидис, документов у меня не было. Но был «спинной» мозг, работающий даже без денежного стимулятора. И кое-какие права.

– Ой! – раздалось над моим бранным телом, когда я совсем придремала.

– А-а-а, – глухо простонала я, подыгрывая и глядя сквозь ресницы.

Двое подростков примерно одного возраста в ужасе взирали на меня, одинаково зажав ладошками рты.

– Деда! – сообразила позвать на помощь девочка.

Умничка! Я всегда считала, что женщина первична!

Пришел деда, и тут уж события закрутились цветным калейдоскопом.

Вокруг меня вдоволь попрыгало все население деревни. Заглянули в лицо, пощупали волосы... Наверное, обязательно залезли бы в сумочку, но – вот незадача! – у меня ее не было. У меня вообще ничего не было, кроме меня. Даже сознания...

«Скорая помощь» прибыла достаточно оперативно. Всего-то за три часа.

Относительно быстро.

И помереть не успеешь в ожидании! Так, немного окочуришься, но еще почти не остынешь... учитывая южный климат и жаркое солнце.

Не прошло и половины дня, как я оказалась в больнице, а мое видео, снятое на мобильную камеру, на YouTube. Верно народ шутит: если будет второе пришествие, то первое мы уже там увидим в записи!

Итак, та-да-да-дам! Я в больнице, в палате интенсивной терапии, изображаю полную амнезию и незнание всех языков мира, кроме жестов – и то примитивных.

Мне тут же наставили целую кучу диагнозов и две капельницы. С витаминами. Потому что никто не хотел рисковать. Видимо, решили: если уж я и отброшу больничные носки, то со своей помощью и всяко без их участия.

Нет, поначалу меня по долгу службы попытались допросить:

– Parlez-vous français?^[2]

Данный запрос я проигнорировала хлопаньем ресниц.

Затем меня озадачили:

– Habla Usted espanol?^[3] – И... – Buon viaggio!

Последнее порадовало особо. На итальянском означает – «Счастливого пути!» Надо бы уточнить, куда именно!

Но почему-то никто – никто! – не догадался спросить, способна ли я общаться на греческом языке. Или хотя бы на английском. Видимо, моя внешность у них ассоциировалась исключительно с Испанией или Италией, ну или на крайний случай – Францией. Почему не с Зимбабве?

Наконец пришел важный пожилой профессор и долго щупал мой пульс на коленке и заглядывал мне в декольте больничной рубашки.

Когда мне все окончательно надоело, я поинтересовалась:

– Могу я видеть американского консула? – На английском языке.

Профессор подпрыгнул на стуле и проверил мою нервную реакцию, хлопнув по болевой точке чуть ниже колена. И мы с ним вместе немного подергали конечностями...

М-дя-а-а, для почтенного профа оказалось полной неожиданностью, что женщины, оказывается, даже могут говорить! К тому же по-английски!

– Вы кто? – строго спросил он меня, рассматривая выдающуюся вперед грудь через толстые стекла очков.

– Джул Смит, – честно ответила я, сползая вниз и пытаясь встретиться с ним взглядом.

– Ага, – задумался профессор.

Естественно! Среди его пособий до сего дня не было ни одной говорящей Джул Смит.

– Откуда вы? – созрел следующий вопрос.

– Нью-Йорк, Большое Яблоко, – еще честнее поведала я, натягивая простыню до шеи и открывая ноги.

Профессор заинтересовался новыми перспективами, но все же спросил:

– Вы голодны? Яблок нет, но что-то все же есть... наверное.

– Консул? – тут же ввернула я, направляя его раздумья от ног к голове, причем – исключительно его!

– Это можно есть? – озадачилось местное светило.

– ЭТО можно слушать, – заверила его я. – Долго и нудно. Позовите, а?

– Ко-ого? – Профессор упорно изучал мои нижние конечности, словно новое захватывающее пособие.

– Консула! – рывкнула я. – Хочу видеть, слышать и обонять американского консула!!!

– Аг-га, – покивал специалист, мотыля пушистой головой-одуванчиком с лысиной посредине. – Налицо агрессия и стресс!

– На лице у меня – жажда убийства! – завопила я еще громче. – Если мне не предоставят консула, я всю оставшуюся жизнь буду здесь жить и вопить!

– Связки надорвете, – невозмутимо предупредил профессор. – И вам в вашем состоянии опасно нервничать...

– В каком моем состоянии?! – озверела я. – У меня стресс и амнезия, но я точно помню, что не беременна!

– Поздравляю! – обрадовалось чему-то «светило». – Это так трогательно!

– А-а-а! – У меня кончилось даже ангельское терпение. – Помогите! Спасите его от меня, а то я за себя не ручаюсь! Счас потрогаю дедушку в состоянии аффекта!

Набежала куча медперсонала, и профессора увели на другую консультацию, а мне вкатили тройную дозу витаминов за очень «хорошее» поведение и пригрозили страшным набором медицинских терминов.

Я прониклась и затихла. На время.

А консула мне все же нашли. Искали сутки, но потом ко мне приехал вежливый подтянутый мужчина в галстук, затянутом у самого кадыка, и очень корректно задал три миллиона вопросов. Ответила я только на три: как зовут, где живу и какой у меня номер карточки социального страхования. Эта информация была неподвластна никакой амнезии!

Через сорок восемь часов меня выперли из больницы и отобрали халат. Надо, правда, отдать им должное (но я бы лично не отдавала) – ребята не поскупились! Подобрали мне на бедность шорты восемнадцатого размера (я ношу второй) и футболку (мужскую!) три икса. Я утонула. Персонаж итальянской комедии Пьеро. Зато свободно и практически ничего не видно! Во всем есть что-то хорошее, главное это найти, не особо углубляясь в мелкие детали.

Так вот, в руки мне дали одежду, в зубы – папку с обратным билетом, документами на выезд и справкой о частичной вменяемости. Доктор сказал, он, дескать, надеется на мое благоразумие. И предупредил, что пассажиров кусать не нужно, они могут быть немые.

Неужели я произвожу такое впечатление?

Оказалось – еще хуже. Пухленький курчавый таксист с огромным носом наотрез отказался меня куда-то везти. Сказал, активно жестикулируя:

– ЭТО я не повезу даже за очень большие деньги! Мне психика дороже!

Да я бы с ним и не поехала! Он машину носом ведет! Вот!

На «частнике» я сама отказалась ехать. Наотрез. В придачу угрожала вернуться обратно и занять люкс-бокс. Весь персонал больницы хором уговорил третьего таксиста, худого как палка брюнета с редкими зубами доставить меня в аэропорт и избавить их прекрасную страну от страхолюдного пугала в моем лице.

Я делала вид, что не понимаю по-гречески, ковыряла дорожную пыль носком сандалии и прислушивалась к спорам. Когда тощему нервному дяденьке пообещали бесплатную консультацию у психопата – извините! психолога! – он, скрипя теми самыми зубами, согласился сэкономить на визите и повез меня на встречу с родиной.

По пути я вела себя примерно и амнезией не размахивала. Поэтому доехали мы мирно. С пятой попытки. Дядя так пялился на меня в зеркало заднего вида, что регулярно промахивался мимо поворотов.

– Спасибо! – Я была сама вежливость и воспитанность, когда вываливалась в полуденный зной у здания аэропорта Миконоса.

Водитель лихо газанул, обдав меня запахом ядовитых бензиновых выхлопов, и отбыл получать бесплатную консультацию.

– Не очень-то и хотелось! – пробормотала я, за неимением слушателей тихо сама с собою ведя беседу.

Внутри было прохладно. До моего рейса оставалось чуть более трех часов. Заняться оказалось нечем, но духом я не пала и, со скуки поизучав все расписания, объявления и картинки, отправилась в женскую комнату.

Там, сполоснув лицо холодной водой, обрела бодрость и жизнерадостность. Пока я изучала свою оптимистичную физиономию в зеркале, в туалет зашла стройная черноволосая девушка в ярком платье и пристроилась рядом, подкрашивая губы.

– Какой у тебя рейс, подруга? – вдруг задала она вопрос. На английском языке.

– Не помню, – буркнула я, начиная подозревать неладное.

Но снова укол в бедро и...

Доведут тебя амуры, что придешь домой без шкуры!

– На Рио-де-Жанейро я уже и не рассчитываю! – доверительно сообщила я двум амурам на лепном потолке.

Те выслушали вдумчиво и внимательно, но ответом почему-то не одарили.

А меня, кажется, повысили!

Вместо одного амура с трубой мне уже выдали двух. С лирами. И рубашка на мне была в два раза длиннее, но в три раза больше открывала. Угу. Два раза на груди и один раз на бедре. Пострадавшем.

Я ласково почесала несчастное бедро, так не приглянувшееся мерзавцу Никосу, и, одернув зеленую атласную накидушку, привстала на кровати.

Точно, повысили! Судя по верхушкам деревьев, я уже на третьем этаже! И за решеткой.

Интересно, а Казлидис, то есть Казидис Дюма читал? «Графа Монте-Кристо», например?

Так вот, я – гораздо круче!

За дверью слышались шаги.

Я посчитала преждевременным банковать и плюхнулась обратно на постель, возведя глаза к амурам, а себя в прострацию.

– На этот раз... – грозно сообщил мне Никос, врываясь в комнату.

Я лежала молча и глазела на амуров, пересчитывая струны в лирах и складочки на пухлых ножках.

– Ты меня слышишь? – остановил свою прочувствованную речь мужчина.

Конечно нет! Я ж в прострации. Понимать нужно! Там свои законы! Прикидываешь?..

– Джул?! – Он помахал у меня перед носом ладонью и сбил меня со счета. Я уже была на сто тридцать восьмом целлюлите.

– ДЖУЛ!!!

Во орет, орУнгутанг окультуренный! Я в курсе, как меня кличут!

– ТЫ СЛЫШИШЬ?

Тупой, еще тупее! Повторяю, у меня амнезия и прострация. Третьему тут делать нечего!

Для приличия Никос потряс меня за плечи.

Я поколыхала декольте, но реагировать сочла ниже своего достоинства и считать не бросила.

Наконец до мужика доперло: он попал! А поскольку знойный мачо, видимо, не любил «попадать» в одиночку, то открыл дверь и завопил еще громче, созывая компанию:

– ДОКТОРА!!!!

С пятью восклицательными знаками. Я знаю, что по грамматике полагается только три, но у него было пять, не меньше!

Доктор пришел. И мне понравился. Я даже на пару минут пожалела о прострации и невозможности пококетничать, потому что такой милашка среди остальных мужских особей попадает редко. Прямо кандидат в ангелы!

Ростом четыре фута и один дюйм для солидности, Аристарх был строен, как

строительная балка (если ее распилить и сложить вчетверо), и так же нестибаем. Его абрис с Никосом не имеет ничего общего. Круглолицый живчик с почти женственными чертами лица. Милый такой темный шатен с замечательными карими глазками, из которых прямо изливалось сердечное тепло.

Но не в этот раз. На Никоса он только что ядом не плевал. Выплеснул на гада столько презрения, что мне даже стало приятно: хоть кто-то вступается за мою поруганную честь и подорванное хрупкое здоровье!

– Ты засранец, Никос! – кратко и емко высказался доктор, и я полностью под этим подписалась. Молча.

– Я твоего мнения не спрашиваю, Ари! – взорвался в который раз Казидис. – Ты давай ее лечи!

– Я не могу ее лечить! – не менее эмоционально заорал доктор. – Это не лечится!

Что, так плохо? Не надо меня пугать! У меня еще где-то остались ресурсы!

– Почему?

Вот я бы тоже не отказалась это узнать!

– Потому что тогда до полного выздоровления пациентки я буду должен исключить тебя! – не успокаивался Аристарх. – А ты не исключаяешься!

Тут я зауважала доктора со страшной силой и пошевелила большим пальцем на правой ноге.

– Ой! – отреагировал Никос. – Она шевелится!

– Естественно! – напустил на себя солидность доктор. – Она же живая!

– А по ней не скажешь! – засомневался Казанова.

А вот не дождешься! Я не буду реагировать! Но вот когда я встану – ты ляжешь! Причем в очень неудобной позе. И один!

Дальше они очень национально поругались, и доктор вытурил Никоса из комнаты, пообещав навестить перед уходом и прописать ему пару литров... успокаивающего.

Я прикусила язык, чтобы не присоветовать вдогонку снотворного со слабительным, и продолжила считать: «Двести пятнадцать, двести шестнадцать...»

– Мадемуазель, – галантно обратился к пострадавшей Аристарх. – Если вы меня слышите, то позвольте выразить вам свое сочувствие и поставить в известность, что вы влипли в огромные неприятности...

Угу, а я думала – меня сюда пригласили на ромашках хозяину погадать! Я хоть и блондинка, но в пестиках и тычинках тоже понимаю!

– ...А если не слышите, – меланхолично закончил греческий эскулап, – то... простите, вы все равно влипли!

Какое выдающееся, тонкое наблюдение! Прямо Сократ с Эйнштейном!

И врач прописал мне покой. Слава богу, не вечный, а временный. С тем и удалился.

Пока я размышляла о ромашках и фиалках, море и солнце, добре и зле, снова пришел Никос и с порога поинтересовался:

– Ты тут?

Нет! Это не я! Это тень отца Гамлета! Видит Всевышний, еле удержалась, чтоб не спросить: «А ты?!»

– Ты – свин! – оторвала я взгляд от надоевших амуров и перевела на очумелого мужчину.

– Ты умеешь говорить! – несказанно обрадовался Казидис. – А почему «свин»?

– Я умею еще и орать, – погордилась я. – А свин потому, что ты умыкнул меня второй

раз подряд. Это уже наглость и перебор!

– Я и третий умыкну, – поделился он планами мирового господства, приближаясь к кровати. Темно-синяя шелковая рубашка свободно расстегнута, оттуда выглядывает мускулистая грудь, вопреки моде покрытая темными курчавыми волосками.

Это он меня так соблазнить видом пытается? Тогда не по адресу!

– А смысл? В чем прикол? – любопытствовала я. – Время девать некуда?

– Я всегда получаю все, что... или кого... хочу, – хмыкнул он, присаживаясь на краешек кровати.

– Все когда-то бывает впервые, – поджала я губы. – Скажу один раз и очень прямо, чтобы твоя одинокая извилина, отвечающая исключительно за размножение, сильно не напрягалась! Услышь и вникни: тебе здесь ничего не светит!

– Ошибаешься, рыбка! – промурлыкал соблазнитель. – Гарантирую – тебе понравится!

– Тебе тоже! – непоколебимо заверила его я с глубоким внутренним злорадством. Хотя это и весьма недостойно для особы ангельской наружности. – Если не понимаешь по-хорошему, то разреши сообщить тебе одну крайне неприятную вещь: ТЫ. МНЕ. НЕ ПРАВИШЬСЯ! Сюрприз!

– Это временно! – Очарование просто катило как Hummer. Без тормозов.

– Самое постоянное – это временное! – посвятила я его в свою жизненную философию и поджала ноги. – А теперь поговорим серьезно...

– С красивыми девушками вредно говорить, – пошел в лобовую атаку Никос. – С ними нужно заниматься кое-чем другим, например – лежать рядышком!

– Только лежать? Я тебя разочарую: еще они умеют стоять и сидеть! – заверила я его. Устало заявила, сворачиваясь калачиком: – Уйди сам.

– А то что? – самоуверенно засмеялся он. – Будешь кидать в меня подушки? Или рискнешь испортить маникюр?

– Подушки не буду, – сощурила я глаза. – Пачкать не хочу. – Тяжело вздохнула, мазнув рассеянным взглядом по атласным подушкам всех форм и размеров. – Но, боюсь, придется...

– О чем ты? – Никос протянул руку, чтобы погладить меня по ноге.

Я сердито посмотрела на него и, метнувшись к краю кровати, разбила об угол тумбочки хрустальный графин, зажав в руке острый осколок.

– Об этом, – ухмыльнулась, глядя в побледневшее красивое лицо. – Или ты уйдешь, или уйду я... но совсем.

– Ты сумасшедшая? – На смуглых щеках заходили желваки.

– Я – блондинка! – парировала, как будто это что-то объясняло.

Следующие секунды слились воедино. Он сделал стремительный бросок в мою сторону, пытаюсь отобрать осколок, а я чиркнула себя шее.

– Дура! – заорал Никос, прижимая к ране простыню. Добавил децибелов в очередной призыв: – Доктора!

– Уходи, – прошептала я посиневшими губами. – Уходи или я перестану дышать!

– Ненормальная! – Он все еще сдерживал кровотечение. – Так нельзя!

– Нельзя – как ты! – Силы меня покидали, и кровать подо мною начала медленно вращаться.

На этот раз пострадало не бедро, а шея. Прогрессируем!

– Когда придешь в себя – поговорим! – Это последнее, что я услышала.

Если он думает, что решающее слово осталось за ним, то сильно ошибается! Просто я не

успела сказать свое вслух!

Если уж Бастилию разрушили, то что такое одна стена?

– Согласна на Орландо! – пожаловалась я амурчикам. – Потому что в Рио-де-Жанейро мне, похоже, попасть не светит!

Лежа под очередной капельницей и разглядывая потолок, потому что горло мне перетянули (надеюсь, это не удавка и не ошейник!), я подслушала разговор за дверью.

– Ты понимаешь, что еще пару миллиметров – и была бы задета сонная артерия? – зло вычитывал богачу Аристарх. Надавил: – Не гневи Бога –пусти девушку!

Козлакис хмуро промышчал что-то отрицательно-невнятное.

Семейный врач упорно настаивал:

– Найди себе другую, разве мало желающих у нас по клубам гуляет? – Фыркнул: – Или ты урод?! Оторвут ведь с руками и ногами.

– Никогда! – отчаянно сражался Никос. – С клубными шлюхами мне скучно и неинтересно. – В свою очередь стал убеждать: – Глупышка просто не понимает, как ей повезло! Я могу обеспечить ей такой стиль жизни, какого у нее никогда не было! Ей такое и не снилось!

– А девушка хочет такого счастья? Ты ее спросил, хочет ли она греть тебе постель? И как надолго ты захочешь ее видеть рядом с собой?.. Месяц? Неделю?..

– Какое тебе до этого дело, Аристарх? Завидуешь? Она красотка!

– Она – не рабыня! Она личность! Очень независимая девушка, если ты этого не заметил! Личность, понимаешь?! И ты ей совсем не нравишься! Иначе бы она не попыталась себя убить!

– Это несчастный случай! – гнул свою линию подлый похититель. – Просто игра на зрителя. Подумаешь, немного не повезло...

– Не повезло?! – стал надсаживать глотку странный доктор. – Не повезло?! Да она стояла на краю смерти!

Никос зло, с плохо скрываемым раздражением:

– Не преувеличивай!

Еще более гневно:

– Не преуменьшай!

– Ты – трусливое ничтожество...

– Я трусливое ничтожество?! – рывкнул доктор. – Я?! Да если хочешь знать, если б я был тем самым трусливым ничтожеством, то давно бы заявил в полицию! Скажи спасибо, что ты мой троюродный брат, и если я это сделаю, то моя мать, родственница твоей матери, мне башку снимет! А то я давным-давно с преогромным удовольствием засадил бы тебя! Лет эдак на двадцать!

– И загремел вместе со мной сам! – торжествующе засмеялся Никос.

– Да, – вздохнул доктор. Повысил тон: – Но тогда, возможно, этого бы не случилось с последней твоей девочкой!

– Сабриной? А что с ней случилось? – подозрительно спросил брюнетистый питекантроп. – У нее обнаружили сифилис? Гонорею? – Уже совсем встревоженно: – СПИД?!!

– Не прикидывайся идиотом! Неделю назад Сабрина умерла, – мрачно сообщил эскулап. – Якобы попала в аварию.

– Ну вот видишь! – облегченно вздохнул поганец Козюдис. – Я ни в чем не виноват!

– А до того ее трижды – трижды! – вытаскивали с того света! Депрессия... – с нажимом ответил доктор. Сказал отстраненно: – До сих пор не могу простить себе...

– И при чем тут я?! – фальшиво удивился Козлакис.

– Трижды идиот! Ты сломал ее, сломал, понимаешь?! – зло отрезал врач и прекратил диалог.

– Пи-и-ить! – Мне надоело подслушивать. К тому же позиция обоих мне была вполне ясна.

– Сейчас! – В комнату ворвался Аристарх в светлом костюме, отдаленно напоминающем врачебную форму, и напоил меня из специальной бутылочки с пластиковой трубкой. После этого смочил мне губы ватным тампоном и присел рядом.

– Спасибо! – прошептала я.

– Не нужно, – смутился доктор. Извинился зачем-то: – Ничем другим я вам, к сожалению, помочь не могу.

– Вы можете сообщить обо мне полиции и в консульство, – предложила я ему надежное успокоительное для неспящей и кусачей совести. Вдруг да поможет чудаку на пути к ангельскому статусу?

– Не могу, – тихо произнес Аристарх, деликатно проверяя мой пульс и стараясь не встречаться глазами. – Никос – мой близкий родственник и глава семьи. Моя родня полностью зависит от его благорасположения.

– Что такое одна жизнь в сравнении со многими? – скривила я губы. – Вы это хотите мне сказать?

Доктору стало стыдно, и он поспешно отвернулся. Его смущение выдали побагровевшие шея и уши.

Но делать он ничего не будет. Типичная страусиная политика невмешательства. Своя семья против чужестранки? Выбор ясен. Одна против всех.

– Как наша пациентка? – вплыл в комнату невозмутимый Казидис. – Уже лучше себя чувствует?

– Если ты еще раз сюда зайдешь, Казлудис, – попыталась я улыбнуться потрескавшимся губами, – то я доведу свою угрозу до конца!

– Никто не может просто перестать дышать по своему заказу! – ухмыльнулся Никос, упирая руки в бока. – Глупый бабский шантаж.

– Глупый ты... – грустно ответила я. И отключила дыхание.

Аристарх, видя мои стремительно синеющие губы, кинул умоляющий взгляд на родственника и включился в работу.

Для начала меня сильно побили в грудь. Потом очень крепко поделали искусственное дыхание.

Ломота в голове и болезненная резь в легких нарастали, но я держалась и не собиралась сдаваться, пока не услышала звук хлопнувшей двери.

А-а-ах! В легкие ворвался долгожданный спасительный кислород.

– Вы сумасшедшая! – с каким-то детским восторгом сказал доктор.

– Вы мне это уже говорили, – прокаркала я. – Или не вы...

– Отдыхайте, – оставил меня врач-колобок, накапав мне чего-то в мензурку и заставив

выпить.

Надеюсь, это не яд и не афродизиак, потому что я тогда с него живого не слезу. С доктора. А потом его уже Никос поимеет... морально.

Злая я сегодня...

В последующую пару дней меня не трогали, но кормили как на убой. Впрочем, нас – меня и мой аппетит – это ничуть не смущало.

Несколько раз я слышала шум взлетающего (или садящегося? Шут его знает, издали не разберешь!) вертолета.

Но Никос не показывался. То ли прочувствовал, то ли Аристарх поперек порога костыми лег. Я не проверяла...

Дверь, к моему глубочайшему сожалению, постоянно была закрыта.

Силы ко мне возвращались стремительно, и я начала раздумывать, чем бы мне занять свое свободное время.

И нашла...

Я решила стать перволомателем стен! В дверь меня не пускали. На балконе – решетка. А мне так хотелось подышать пьянящим воздухом свободы!

Дело стало за малым – найти подручный инструмент. Подручный не нашла, зато нашла подножный. Подставка для туалетной бумаги – солидная, тяжелая и с острыми углами. Годится. То, что надо!

Поплевав и на руки, и на выбранную наудачу стену, я чуть-чуть подождала.

Не разъело.

Странно. Обидно. Досадно. Еще один миф рухнул. А я так надеялась!

Говорят, что каждая женщина в душе змея. Врут. От зависти!

С песенкой «Boys Will Be Boys»^[4] на устах я прицелилась, размахнулась и пошла крушить стену. Поскольку моя персона была самым охраняемым секретом и к тому же перебила все, что было в пределах досягаемости (а достигала я многое), то, естественно, никто на издаваемый наверху шум внимания не обратил. Конечно, шахтерская работа утомляет... но все искупает результат!

– Ура-а-а! – Стену со своей стороны я пробила и копалась в утеплителе и звукоизоляционном материале.

Проблемой это не стало, просто стало гораздо больше мусора у меня в гардеробной. Но то уже были не мои проблемы...

Стена с противоположной стороны тоже долго не сопротивлялась и сдалась на милость победителя после тщательного хм... постукивания.

Свобода манила и звала! Я гордо шагнула в открывшийся проем, придерживая на трудовом плече мозолистыми отбитыми руками бронзовую подставку на случай непредвиденной обороны.

– Это я удачно зашла! – Стояла карающим ангелом посреди гардеробной Никоса и радостно потирала натруженные руки, злобно хихикая.

Два часа потратила я на то, что меняла местами одежду, перетаскивая в гардеробную Никоса всю прелесть, в которую он планировал меня одевать!

Вместо шелковых трусов-боксеров я набила его ящики яркими воздушными кружевными вещичками с гипюровой сеточкой, украшенной бисером, стразами и перьями.

Бог велел делиться с ближним! И я неукоснительно следовала этому священному принципу.

Вместо рядов выглаженных дизайнерских рубашек повисли полупрозрачные боди и комбинации с прорезями на самых интересных местах. Костюмы я заменила пеньюарами. Брюки и джинсы – мини-купальниками и парео. Сердце радовалось, а душа моя парила в небесных куцах, когда я представляла Никоса Казидиса в каждом из этих одеяний.

Идея мне очень понравилась. Я решила ее всесторонне развить и не отказывать себе в удовольствии. Словом, сделать все, чтобы мне здесь нравилось еще больше!

Прикусив нижнюю губу, я осмотрела кучу сваленной одежды и наметила план работ. А еще... еще у меня был под рукой богатый до безобразия набор косметики. И не один! Я решила пустить их в дело.

Ну не пропадать же добру? Тем более что я его косметикой не пользовалась!

Итак... на всех костюмах, рубашках и футболках твердой рукой я написала «With love!», используя помаду, жидкие румяна, подводку для глаз и все, что могло оставлять яркие, плохо отстирывающиеся отпечатки на ткани.

Подписываться не стала. Заменяла свой росчерк на стрелу Робин Гуда, указывающую вниз. Он теперь хорошо запомнит мой фирменный знак. Надолго!

Брюки и джинсы я украсила эмблемой Target – красивой мишенью.

Должен же быть у Никоса опознавательный знак?

С трусами я обошлась проще: разрежала их по швам и сделала прелестные коротенькие юбочки.

Правда, оставила себе парочку новых – думаю, сойдут как шорты.

Поскольку материал для работы у меня закончился, а жажда мести – нет, то я пошла посмотреть, где еще можно напакостить по-крупному.

Начала с ванной...

– Подведет тебя, Козлукис, любовь к блестящему! – шипела я, подменяя флаконы в специальных футлярах с именной гравировкой.

Пена для бритья стала лаком для волос с сильной фиксацией, дезодорант – освежителем воздуха, нормальный шампунь превратился в оттеночный. Цвет я выбрала – закачаешься! – «Голубая лагуна».

Надеюсь, тебе, милый, понравится!

Я осмотрелась. Косметики у меня еще оставалось предостаточно, и я приступила к тяжкому труду облагораживания помещений. А что? Дизайн – самое подходящее занятие для творческих личностей!

В ванной я намазала все, до чего дотягивалась, маслом для загара.

И зачем, спрашивается, понапрасну тратить деньги на горные лыжи, если можно их себе устроить не сходя с места?

Полюбовавшись делом рук своих, осторожно выползла и направилась в кабинет.

А там... прямо рай для юного неуловимого мстителя! ВСЕ! ШАШКИ НАГОЛО, ПЛЕННЫХ НЕ БЕРУ!

Хозяин получил... Гель в ящиках стола. Электроплойку в компьютере. Средство для снятия макияжа на кодовом замке сейфа и любимое масло для массажа с запахом жимолости на полу!

Пылая праведным гневом, я стояла около широкой кровати с балдахином, застеленной красным шелковым бельем. Опять космодром на мысе Канаверал?! Я тебе покажу! Хорошенько попрыгала сверху. Кровать терпеливо снесла все мои измышательства и даже не скрипнула. Матрас тоже оказался выносливым на диво – ни одна пружинка не провалилась!

Видно, делали на совесть. Итог не воодушевил: сексодром так сломать не удастся. А жаль!

Тогда с помощью рук и маникюрного набора я расшатала стойки балдахина и оставила их, можно сказать, «на соплях».

Я бы со злости и ножки у этого одра подпилила, но маникюрная пилочка отказалась совершать такой подвиг, а зубы мне еще были нужны.

Затем, следуя своему далеко идущему членовредительскому плану, я убрала видимые остатки погрома в гардеробной, сдвинула стеллаж, небрежно маскируя результаты своей деятельности, и приготавилась ждать.

Я уже успела плотно поужинать и даже подремать, когда раздался звук подлетающего вертолета.

Оставалось только надеяться, что после моих сюрпризов Никосу будет нечем меня удивить... или не на чем ко мне дойти...

Я не сомневалась, что подобную честь он никому не уступит!

Спустя пару часов из-за стены раздался жуткий грохот...

– Хорошая привычка – мыть руки! – с огромным удовлетворением похвалила его я, напряженно прислушиваясь и страшно жалея о невозможности видеть это вблизи своими глазами.

Грохот повторялся несколько раз, перемежаясь громкими криками, в которых я разобрала жуткие проклятия и все кары на головы прислуги, которая натерла пол до состояния катка.

Не то чтобы я гналась за брэнной славой, но стало немножко обидно...

Дальше много орали и топали.

Мне понравился Аристарх, пробежавший мимо моей двери со словами:

– Жалко, что это ушиб, а не сотрясение! – туда.

И...

– Почему только вывих, а не перелом?! – обратно.

Я сдержала самый первый благородный порыв и не предложила доктору помочь доломать начатое, чем в глубине души страшно гордилась.

Спустя еще какое-то время...

Бабах!

И снова много местного колорита.

Вероятно, сложился балдахин и кого-то погребло под пыльными тряпками. Очень надеюсь, что это был не Аристарх.

Под окнами нарисовался грузовик, и в дом потащили новую кровать.

Экий сибарит! Мог бы и на коврик в прихожей подремать!

Еще спустя пару часов ко мне через гардеробную ворвались хромающий на правую ногу Никос, потрясающий кружевными трусиками, и кусающий от сдерживаемого смеха губы Георгиос.

Я внимательно присмотрелась к начальнику службы безопасности: а что? Мне нравится!

Сильный мужчина! Надежный и опасный. Он не был красавчиком в прямом смысле этого слова. Может, ростом и чуть пониже Никоса, зато плечами пошире и бицепсы побольше.

Квадратное лицо. Тяжелая челюсть. Многократно перебитый, чуточку свернутый в сторону нос. И синие глаза с настороженным взглядом бывшего человека. Похоже, жизнь

когда-то хорошенько потрепала его. Черная футболка, джинсы и облегченные летние кроссовки; кобуры пистолетов – все на командире местных бодигардов смотрелось органично.

Но и что-то человеческое пока не утеряно. Другой телохранитель сейчас бы прикинулся отмороженным. А этот даже не пытается. То ли шефа не настолько боится, то ли... Нет. Не боится. Точно.

– Это что такое?!! – помахал Казидис у меня перед лицом интимным предметом дамского туалета.

– Скорей всего, нижнее белье, – невозмутимо ответила я, отводя сие от лица.

– ЧЬЕ?!! – взорвался хромающий сатир, глядя на меня в упор.

– Это нужно у тебя спросить, – так же спокойно парировала я. – Если уж ты его и принес...

– Я ЭТО нашел у себя в шкафу! – орал мужчина.

– Так это твое?! – немедленно «прозрела» я. Подивилась: – Какие у тебя странные наклонности...

– Молчать!!! – Он попытался затопать ногами и подпрыгнул от боли. Лицо похитителя побагровело от ярости, жилка на виске заметно пульсировала.

А задумка с допросом была хорошая... только исполнение слабоватое... наверно, по причине бездарности исполнителя.

– Как ЭТО оказалось у меня? – отдышавшись, поинтересовался Никос. – И КАК ты объяснишь огромную ДЫРУ?

– Где? – вытаращила я глаза.

– Там! – ткнул он пальцем в Георгиоса.

Я оглядела сверху донизу шефа личной СБ миллионера. Со всем должным прилежанием.

– Он – целый, – хладнокровно проинформировала Казидиса и успокоила начальника охраны. Или почти успокоила. Потому что насильно подавляемый ржач перешел в тихий гогот.

– Он – ДА!!! А стена – НЕТ!!! – бушевал владелец виллы.

– Это уже слишком для моего интеллекта! – заявила я, сползая с кровати. – Пойду посмотрю!

– ЭТО ЧТО?! – в полном обалдении уставился Никос, словно первый раз меня увидел. – Это мое?

– Где?! – не стала отвлекаться от цели визита и, подтянув до талии спадающие боксеры, деловито направилась в гардеробную.

– На тебе мои трусы! – никак не мог успокоиться черноглазый жлоб.

– На них так и написано? «Мои трусы»? – невозмутимо спросила я, без особой поспешности разглядывая расширенный проход. В конце концов, куда торопиться? Сюрпризы остались Козлодоису.

– Нет! Но...

– Сэр, – обратилась я к Георгиосу. – Когда вы перестанете дрожать плечами, объясните этому джентльмену, как невежливо тыкать пальцем в даму и требовать назад то, что не подписано!

– Заткнись!!! – окончательно вышел из себя Никос. – Почему в стене дыра?

Я молчала.

– Я тебя спрашиваю!!!

А в ответ – тишина...

– Сколько раз мне повторять вопрос?!!

Я повернула голову, отворачиваясь от источника воплей и рассматривая противоположный край потолка.

– Может, для начала ты позволишь ей говорить после твоего приказа молчать?.. – вовремя вмешался на греческом начальник охраны и спас мне немного нервов, а себе сэкономил время на закапывание чьего-то трупа. И не факт, что моего.

В созвучие моим мыслям тишина стала гробовой.

– Джул, – начал Никос, пару раз глубоко вздохнув, – нам нужно поговорить...

– Пожалуйста, – тихо подсказал начальник охраны.

– ...Пожалуйста, – проскрежетал зубами его работодатель.

– Тебе надо, ты и говори, – соизволила оторваться я от разглядывания потолка и сюрреалистичного прохода на волю. Нехотя повернулась к Нику.

– Ответь мне только одно, Джул, – обманчиво спокойно начал Казидис. – Зачем ты сломала стену?

– Дверь была заперта, – пожала я плечами.

Мужчины переглянулись.

– И что?.. – осторожно поинтересовался Никос, сжимая и разжимая кулаки. Видимо, сглаживал кипящую злость.

– Это уже второй вопрос, – педантично сказала я. – Но я, так и быть, отвечу... Мне захотелось свежего воздуха...

– У тебя есть балкон! – напомнил мне красавец с сотрясением и растяжением головного мозга.

Георгиос просто отвернулся и изучал пустые полки стеллажей. Наверное, в первый раз увидел. Его плечи продолжали подозрительно трястись.

– Там решетка, – объяснила я такому непонятливому похитителю.

– И что? – обалдело уставился он на меня. – Воздух через решетку не проходит?

– Конечно, проходит, – уверила я его. – Но запах другой...

Дальше я увидела финал греческой трагедии. Немного эмоционально для меня, зато как артистично!

Когда Никосу надоело выкобениваться и орать, он схватил меня за руку и потащил в кабинет со словами:

– А сейчас мы поговорим серьезно!

– Аристарха вызовите заранее, – ненавязчиво предупредила я Георгиоса на ходу. – А то, боюсь, не успеет...

Йоргос поняливо сверкнул глазами и промолчал. На лице брюнета застыла широкая ухмылка.

В кабинете меня попытались усадить в кресло, но я гордо отказалась.

Чего я, помады, что ли, на мужских трусах никогда не видела? Ну не видела... Так я это вполне переживу.

Никос в ослепительно-белых брюках плюхнулся за свой рабочий стол и запустил руку в верхний ящик.

– Тебе будет очень любопытно... – И застыл.

– Мне... любопытно, – согласилась я, рассматривая атлета во все глаза и на всякий случай тесно прижимаясь к двери.

Он вытащил руку, покрытую гелем, и подвигал пальцами.

– Это что?.. – спросил свистящим полусшепотом.

– Тебе виднее, – обтекаемо ответила я, изо всех сил делая непричастный вид.

Никос сунул свой породистый нос во все ящики стола и понял: гель сильной фиксации – убойная штука для документов!

В который раз скрипнув зубами, мужчина посмотрел на меня как на последнего врага всего греческого народа, и мне немедленно захотелось построить бомбоубежище. Или хотя бы дзот из Георгиоса. Но последний был категорически против...

– Думаю... – попытался сказать что-то умное начальник охраны, пока родственник тыкал дрожащими пальцами в кнопки сейфа, стараясь открыть.

Сейф решил иначе. Переваривая средство для снятия макияжа, хитроумное устройство никак не могло определить состав и клинило.

Последовал набор определенных звуков, складывающихся в ненормативную лексику, и Никос повернулся обратно к рабочему столу.

– Компьютер ты тоже облила? – странно ровным голосом спросил он, когда смог внятно и членораздельно произносить слова и перестал безуспешно тыкать пальцем в «Запуск».

– Не совсем... – оптимистично сказала я. Пауза стала невыносимой. – Я его сожгла.

Отпираться было глупо. В клубах дыма из блока питания до сих пор торчала ручка плойки. Приплавилась.

– Ты!!! – вскочил с места Никос и похромал ко мне.

В это время от окна повернулся Георгиос и... громко заржал.

Никос застыл и развернулся к нему.

Заржала уже я.

На белых брюках прекрасно отпечатался «поцелуй», так любовно нарисованный мной ранее темно-бордовой помадой и поэтому на черной коже кресла незаметный.

...Спасалась я бегством. И очень шустро. Форс у меня была, и я оказалась на верхушке пальмы гораздо раньше, чем два этих гаврика выскочили на балкон.

В конечном итоге я спасала свою жизнь, а они – всего лишь штаны Никоса!

– Слезай! – потребовал Казидис. Пригрозил: – Или я прикажу спилить пальму!

– Все? – окинула я недоверчивым взглядом плантацию финиковых деревьев, тянущуюся до горизонта.

– Надо будет – все! – обнадежил меня местный донжуан. Приказал родственнику: – Присмотри за ней!

Пришлось переглядываться с Георгиосом. Правда, недолго. Вскоре из комнаты раздался глухой звук падения – скорее всего, сработал «минный» коврик, под которым я рассыпала шариковую пудру.

Начальник охраны рванул спасать травмированное тело шефа. В самом деле бодигард он или нет?!

Я оперативно решила спасти свое и полезла на чердак. В тесноте на семи тысячах квадратных футов, да не в обиде!

Ночь прошла спокойно, но жестко...

От любви до ненависти один шаг. А сколько прыжков?

Утро встретило меня прохладой и сомнениями. Партизанить оказалось весело, но голодно. Поэтому по зрелом размышлении я пошла сдаваться.

Но поскольку я была девушкой эффектной, то и сдаваться собиралась со всей помпой и положенными при этом спецэффектами. В конце концов, если уж меня собираются запихать в местный Сан-Квентин, то чахнуть я там буду с удовлетворенной душой и сытой совестью.

Душа для удовлетворения требовала капитуляции и выкинутого белого флага. Я не могла обмануть ее ожидания и пошла искать этот пресловутый флаг.

В результате тщательного досмотра виллы я нашла все, кроме флага. Нет, национальных было множество... но все для парламентария непригодные. К тому же я хорошо относилась к самой стране, просто мне не нравились некоторые ее отдельные представители. Точнее – лишь один!

Вы же не перестанете купаться в Карибском море, зная, что где-то там есть гипотетические акулы? К тому же акулы есть не только в Карибском бассейне, они есть везде! Не верите? Оглянитесь в своем офисе и непременно их отыщете!

Зато я выяснила, что кто делает! Когда и с кем! Например, горничная с третьего этажа любит резво подскакивать, если к ней подходят со спины. Дворник падает оземь от легонького удара по плечу совочком. Садовник сильно нервничает и пугается от звука садовых ножниц над ухом. А кухарка... кухарка боится звона упавшей кастрюльной крышки...

От долгих изысканий и дотошного выяснения демографической обстановки меня отвлек Аристарх, спросивший:

– Джул, не то чтобы это было моим делом, но куда вы несетесь с этой стопкой простыней?..

Я остановилась, перевела дух и честно ответила:

– Ищу Никоса, чтобы закидать его белыми флагами.

Доктор хмыкнул и поинтересовался:

– Думаете, его это остановит?

– Конечно нет! – Я была не настолько наивна. – Но должно немного запутать!

– Боюсь вас огорчить, дорогая, – спрятал улыбку Аристарх. – Никос утром улетел в Афины. У него обнаружилась острая нужда...

– Энурез? – строго спросила я, подозревая, что мне навязывают некачественный товар.

– Не все так плохо, – вздохнул Ари, смахивая пот, заливающий лоб. Похоже, доктор целенаправленно искал именно меня. Теперь нашел.

– Все гораздо хуже? – кровожадно оскалилась я. Воззвала: – Не интригуйте меня, доктор, я хочу получить удовольствие!

– Сомневаюсь, что доставлю его вам, Джул, – разведя пухленькими руками, расписался в собственном бессилии милейший врач. – Никос полетел в Афины за одеждой.

– О как! – неподдельно огорчилась я. – А мне так хотелось начать утро с приятного!

– Скажу вам по секрету, дорогая, – подмигивая, поведал мне Ари. – Его утро уже началось с самых «приятных» вещей...

– Да?... – заинтриговалась я. – С каких?

Доктор не спеша отвинтил крышечку с минералки, которую извлек из кармана, отхлебнул пару глотков и продолжил:

– Он воспользовался дезодорантом и попытался побриться... А перед этим Никос принял душ и помыл голову, – перечислил события предельно добросовестный собеседник.

– Вы думаете, мне лучше в ближайшее время пересидеть в засаде? – честно спросила я, смутно представляя, как Никос сумел выжить и почему я ничего не слышала.

Наверное, моя совесть чиста и спит праведным сном. И я вместе с ней!

– Я бы на вашем месте не рисковал, – невинно заметил Аристарх, возведя глазки горе.

– Спасибо! – благодарно кивнула его с некоторых пор постоянная пациентка. – Я всегда была за безопасный секс – на расстоянии!

– Вы прелесть! – сделал мне комплимент доктор, и я отдалась ему... простынями.

Три дня меня не беспокоили. Видимо, Никос пытался решить – в какой цвет ему из голубого перекраситься. Или выбирал лучший салон для полировки черепа...

А потом начались чудеса.

Прибывший вертолет привез кучу одежды лично для меня, и что немаловажно – моего размера!

– Кто-то очень, очень большой жлоб! – сделала я вывод, в смурном настроении разглядывая шедевры портновского искусства от-кутюр. – Не хочет делиться трусами!

– Вам не нравится? – сдвинул брови Георгиос. Тоже мне данаец, дары приносящий!

– Не годится, – отрицательно помотала головой. – Цвет... не мой.

– Тут есть разные цвета, – заметил начальник СБ, лукаво улыбаясь.

Вокруг нас собрались охающие и ахающие горничные, завистливыми глазами пожирающие презенты Никоса.

Если их позвали как группу поддержки, то цель достигнута! Стало немного страшновато поворачиваться к ним спиной – того и гляди, вонзят кинжал в спину. Ну еще, может, вешалку или швабру за неимением лучшего. Тоже мало приятного.

– Я и говорю: не мои! – категорично заметила я. – Мои – все одинаковые!

– Так я прикажу развесить? – проявил дипломатию Георгиос.

– Если только уши... – поддержала я его дипломатическое начинание. Заявила: – Мне это не нравится категорически, и я носить это не буду! Так что, безусловно, вы можете потратить казенное время... Но тогда переведите меня в другую камеру.

– Понятно, – не стал спорить эсбэшник и улетел вместе с барахолкой.

Через сутки он прилетел обратно, но уже не один, а с местным кутюрье и его двумя походными вешалками.

«Вешалки» активно радовались жизни и отчаянно стремились как-нибудь увидаться с ныне отсутствующим хозяином. Видимо, для того чтобы побольнее ранить его выступающими углами.

Лично у меня они вызывали только одно желание – погрызть. У Георгиоса – помусолить, а у сердобольного Аристарха – покормить.

В итоге я справилась с инстинктом, а вот мужчины – нет!

Три часа сорок четыре минуты я просидела в гостинной, пристально разглядывая дефилирующие ключицы. Лучше бы нормально поела и поспала!

– Аристарх, – обратилась я к еще одному зрителю, спешно намазывающему бутерброды. – Скажите как мужчина – это можно носить?

– Джул, спроси у Йоргоса, – посоветовал тот. – Я все же доктор и рассматриваю анорексию совсем в другом ракурсе...

– Странно, – пробурчала я с некоторой обидой, – а на первый взгляд кажется мужчиной. Как все же обманчива внешность! – И обратилась к другому зрителю: – Вам нравится?

– А?! Что именно? – отвлекся мой личный барахольщик. – Девочки?

– То, что на девочках, – пояснила я, пытаюсь найти девочек в этих уцененных суповых наборах.

– Мне больше нравится без них, – предельно честно сказал Георгиос и заработал одно очко в свою пользу. Мне тоже платья больше нравились без ребер и коленок.

– Вы что-то из этого себе выбрали? – перевел мне позднее Георгиос нервные подергивания кутюрье без возраста и имени.

– Нет, – пожалала я плечами. – Платья красивые, но непрактичные. Ни на чердак не залезешь, ни на пальму!

– Не возьмете? – сурово сдвинул брови начальник охраны.

– Нет! – гордо сказала я, строевым шагом удаляясь к себе.

Кстати, после разрушения стены меня больше не запирали. Думаю, боялись, что порушу обе виллы.

Снова потянулись наполненные южной негой дни, которые я провела с пользой и отравляла всем обитателям дома (домов!) существование.

Не из вредности характера, а исключительно в воспитательных целях.

Кто им мешал сообщить обо мне полиции и избавить меня от своего общества? Но нет! Все молча сносили мое рысканье по округе. За спиной, правда, ругались на типа непонятном мне языке. Наи-и-ивные! Но как я тут оказалась и почему нахожусь – негласно знали все!

Поэтому я развлекалась как могла, и сиесту они себе даже и не мечтали устроить без того, чтобы моя светлость не вторглась в их рай с криком:

– А где находится... (ты-ды-ды-дым)?..

В итоге меня тихо ненавидели и, как о глотке воздуха, мечтали о дне свободы.

У прилетевшего утром эсбэшника внезапно проснулась редкая птица с твердым клювом по кличке «совесть». Отведя меня в сторонку, мужчина тихо предложил:

– Хотите, я попробую тайком отправить вас домой? – В его глазах застыло напряжение.

Красивый мужчина! И бесхозный. Определенно надо с этим что-то делать.

Я вытаращилась на него, как верблюды на саксаул, и гордо отказалась:

– Нет!

– Почему?! – опешил тот. – Вы же пытались сбежать!

– Ну пыталась... – не стала уходить от темы. Обвиняюще уперла палец в собственное тело. – Но мое бедро третьего раза не выдержит! И потом, я еще не всем наглядно показала и рассказала, как нехорошо похищать невинных девушек и преступать закон!

– Подумайте, – горячо убеждал меня Георгиос с мрачным выражением лица.

– Нет! – отрицательно покачала головой.

Тем временем грек буквально припер к стенке и выколачивал согласие, упираясь руками в кирпичную арку рядом с моей головой и обдавая терпким запахом одеколона:

– Возможно, другого раза вам еще долго не представится. А так я могу попытаться вывезти вас в вертолете вместе с манекенщицами и тряпками.

– По частям и в чемодане? – понятиливо хмыкнула я, бдительно озираясь по сторонам.

Мало ли? Береженого Бог бережет. Вдруг прямо сейчас увозить надумал? А за спиной уже группа командос с сетями крадется?

– Нет! Именем Господа нашего Иисуса Христа клянусь – живую и здоровую! – истово перекрестившись, заверил меня начальник СБ и выжидательно уставился на мою скромную персону. Взгляд серьезнее не бывает, зрачки сужены (это особенно хорошо заметно на фоне ярко-синей радужки, довольно редкой для аборигенов).

Злится, что ли? Или на вшивость испытывает?

А может, проходя стороной, человека случайно боднула в бок порядочность, а я лишаяю его возможности раз в жизни сделать доброе дело? Скверно.

– Зачем вам это?! – не утерпела покопаться в причинах странной и необъяснимой благотворительности. Насколько понимаю, до меня никому из жертв Казидиса таких заманчивых предложений не делали!

– Без вас проблем станет гораздо меньше и всем станет легче жить, – опуская взгляд, честно признал брюнет.

Я смело посмотрела ему в лицо и твердо сказала:

– Тогда я остаюсь. Не в моих правилах облегчать злостным преступникам жизнь!

Когда я в черных шелковых трусах и свободной бирюзовой футболке млела у бассейна, ко мне боком приблизился садовник и передал трубку телефона.

Смотри-ка, у них есть цивилизация! А как они ее от меня тщательно скрывали!

– Хэллоу! – выдохнула я в мембрану грудным голосом сирены и смела собеседника с ног. Иначе как объяснить, что пару минут со мной красноречиво молчали?

– Джул, – раздался наконец голос Никоса. – Что ты хочешь из одежды?

– И тебе привет, последователь Микаэля Соломона, – поздоровалась я, намекая на «Голубую лагуну».

– Что. Ты. Хочешь. Из одежды? – очень тактично и вежливо обругал меня Казидис, скорее всего мысленно мечтая удавить меня на телефонном шнуре. Но сегодня был не его день. Мы друг от друга далеко, да и телефон в моих руках – стандартная радиомодель.

– Мне всего хватает, – ехидно «утетила» я его. – Для того чтобы смотреть на солнце сквозь решетку, совсем не нужно платье от-кутю.

– Тебя больше не запирают, – возразил Никос.

Разумнее было бы промолчать. Правда, любой, кто меня знает, подтвердит – нормальности и разумности за мной отродясь не водилось.

– Только в целях предотвращения землетрясений, – легко согласилась я. – Но для меня сейчас весь твой остров в решетку, так что можешь мне выбрать что-нибудь сам... в полосочку... и мы будем мило гармонировать с колючей проволокой.

– А нормальную одежду?..

– Никогда! – Тут уже дело принципа. Я существо неорганизованное, но стра-ашно принципиальное!

И случилось невообразимое – внезапно Казидис испытал острый приступ желудочно-кишечной совести (звучит словно приступ аппендицита или колик. Наверное, такая редкость у подобных ему бывает лишь единожды).

– Вероятно, я должен был тебя пригласить на остров...

– Вероятно! – Где-то сдох слон и начинал пованивать!

– Давай притворимся, что я тебя пригласил, и начнем все сначала?.. – Этой фразой он напрочь убил во мне проклевывающиеся ростки доброго, чистого и светлого.

– Хорошо. Уговорил! – Пробудилась лютаяжажда крови, а отказывать ей с непривычки было тяжело. – Тогда давай притворимся, что ты – последний человек на Земле, от которого бы я приняла это приглашение! – ласково пропела я.

– Будешь стоять на своем? – раздраженно прорычал проклятуший миллионер. Какая экспрессия! Можно подумать, это я его дважды украла и пыталась изнасиловать?!

Уж лучше на твоём!

– Непокобелимо! – заверила его я.

– Я вернусь! – грозно заверил он меня и отключился.

– На каждого Терминатора всегда найдется доменная печь! – с торжеством заявила я, возвращая телефон садовнику.

Хотела, разумеется, заныкать это достояние, но мужик так за ним охотился, что я побоялась – затопчут.

На следующее утро мне сообщили через Аристарха:

– Сегодня вам привезут вечерний туалет, Джул.

– Благодарю за неустанную заботу, – неискренне порадовалась я. – Но скажите, почему именно вечерний? В обычный я уже ходить не могу?

– Это наряд, – тонко улыбнулся эскулап, не принимая предложенной мной игры в слова.

– Вне очереди? – опешила я. – Простите, доктор, у меня очень плохо с военной дисциплиной. – Скорбно вздохнула: – Не пойму, кто кого не любит, но факт есть факт – мы изначально несовместимы.

– Это – платье! – влез в пикировку Аристарх.

От жары он взмок и стал смешнее обычного. Ну натуральный Губка-Боб. Его словно жарили в масле, как пончик. Ари все время вытирал блестящий лоб носовым платком, но ему это мало помогало. Короткая стрижка стояла дыбом, под мышками на рубашке с коротким рукавом целые озера пота. Душка-доктор, похоже, совсем «вареный». Бегал, наверное, с утра по своим врачебным делам. Как бы тепловой удар не получил, бедолага!

Ничего удивительного. Это Греция. Как показывает термометр, тут днем жара до пятидесяти градусов по Цельсию. Шкалы по Фаренгейту у них нет. А жаль...

Тяжело пыхтящий доктор вызывал жалость. Не то что я! Свежа как огурчик и полностью готова к бою! Прямо Микки-Маус накануне очередного сражения с извечным противником-котярой.

Меня опять озадачили одеждой. На редкость настырно, замечу:

– Так что насчет платья?

– А-а-а, – кивнула я. – Зря старается. В вечерних трусах я выгляжу куда симпатичнее!

– Согласен с вами, – не стал меня переубеждать доктор-колобок.

Ну вот! Хоть один союзник нашелся!

Он ушел морить своих пациентов, а я осталась коротать время в компании свежавыжатого сока и влачить свои печальные дни у бассейна. Партизанить по кустам было откровенно лень. Я еще не настолько привыкла к местному пеклу и не чувствовала себя бедуином.

Пахло ветром, морем, полынью и цитрусом. Я уговаривала себя потерпеть еще недельку-другую заключения, и что-то во мне радостно отзывалось на эту крамольную мыслишку.

После обеда мне действительно привезли зеленое коктейльное платье, туфли, чулки и... забыли про нижнее белье. Хотя я подозревала, что это прямая вражеская диверсия.

Также в большой бело-розовой коробке, офигительно сочетавшейся с зеленым, лежал

черный бархатный футляр с изумрудной подвеской. И приглашение на ужин.

Немного подумав, я пошла налаживать контакты с обслуживающим персоналом. Подарки челяди очень понравились, хотя все без исключения ужасно смущались и брать не хотели категорически.

Что ж... прислуге не повезло. Я настояла на своем в буквальном смысле этого слова. Мой жизненный лозунг: «Добро должно быть настойчивым и навязываемым – тогда его видно воочию!»

Например, роскошные чулки с кружевными подвязками весьма красочно смотрелись вместо галстуков у двух достаточно милых охранников с багровыми лицами.

А тощий кузнечик-садовник, не дающий мне телефон, прекрасно выглядел в зеленом платье – маскироваться в кустах оказалось гора-аздо проще!

Подвеску я подарила Георгиосу, которого не было на вилле. Как? Нарисовала его портрет в парадной зале углем на стене, написала: «Незабвенному Георгу (Йоргу) от благодарной поклонницы. Вспоминай обо мне с любовью!» – и приклеила в район шеи подвеску клейкой лентой.

Вернисаж удался на славу. Посмотреть пришли все! А уж реклама и отзывы превысили все рейтинги! Я стала еще обсуждаемое и знаменитее!

Приглашение на ужин я подарила кухарке, сообщив через горничную с минимальным английским:

– Это пожелание.

Поскольку в записке было написано: «Жду вечером на ужин, котенок. Никос», – а переводить я не стала – кухарка собралась увольняться. Ловить и готовить кошек она отказывалась категорически! На пороге замаячил призрак голода.

Вечером за мной прилетел вертолет, но я постеснялась и не вышла, зато передала упаковку средств индивидуальной защиты, найденных при обследовании чердака.

Если кто не понял, то это был противогаз!

Писать ничего не стала – пусть сам догадается, если умный. Или пофорсит, если... очень умный!

Рано утром я проснулась от криков и выглянула через решетку балкона.

Аллилуйя! У нас намечалась забастовка, и в ней участвовал весь персонал! Весь! Никто не хотел оставаться со мной под одной крышей. Они уже не опасались потерять место – жизнь была дороже!

Кто-то позвонил с требованиями начальнику охраны. Поначалу Георгиос честно пытался прекратить текущее кадров, раздавая направо и налево обещания льгот и повышения зарплаты. Черным знаменем реял он над поместьем и всеми способами оправдывал славу правой руки Никоса Казидиса.

Ну что сказать... Он разливался соловьем ровно до тех пор, пока не увидел свой портрет. Да-а-а... Ошеломление бодигарда было громадным и подняло до небес мое самооценку как художника.

После того он та-а-ак обрадовался... Сразу помчался меня искать, чтобы доброжелательно и крепко потрясти мою шею.

Я спаслась на пальме и пообещала рядом нарисовать Никоса. В полный рост. Только тогда моя жизнь оказалась вне опасности, а Георгиос начал говорить короткими матерными словами без предлогов, заменяя их жестами.

На прощанье эсбэшник в сердцах высказал:

— Если бы мне понадобилось сделать кому-то огромную гадость, я бы просто познакомил его с тобой, Джул!

Я польщенно улыбнулась: это было настоящее признание! Хотя и не в полном объеме. Но они о том еще не знают! Они еще оценят глобальный масштаб моей личности!

Если долго мучиться, то можно получить звание мазохиста!

С позором меня не выгнали! Мне просто снова позвонил Никос и сладко пропел в трубку:

– Будешь хорошей девочкой – отдам паспорт!

У меня было очень плохое настроение (перед тем я поцарапалась о пальму), поэтому непримиримо отреагировала:

– Можешь засунуть его себе в штаны, меня и так депортируют!

– Сомневаюсь, – издевательски хмыкнул Казидис, неосмотрительно позабыв о смертельной опасности находиться рядом со мной.

– Не сомневайся! – еще мрачнее ответила я, сама себе нарезая бутерброды. Кухарка боялась подходить ко мне ближе чем на милю.

– Я хочу с тобой поужинать, – промурлыкал великий соблазнитель. И попал в болевую точку.

– Поужинать я бы тоже не отказалась, – скривилась на свои кособокие бутерброды из замороженной колбасы. Ничего другого, кроме колбасы и собачьего корма, я не нашла. Видимо, остальные запасы в спешке вывезли в катакомбы. – Но без тебя... просто поужинать.

– Я прилагаюсь к нему в обязательном порядке. – Ну просто Санта-Клаус, ходячий довесок к счастью!

– Я поняла. – Есть хотелось зверски, и даже Никос не мог испортить мне аппетит. Зато я ему могла.

– Надеюсь, тебе понравились подарки, – неосмотрительно продолжил он.

И я поняла – настал мой звездный час!

– Где будет ужин? – слотнула слюну и сдалась со всеми потрохами, продаваясь за горячее.

– Сюрприз! Будь готова к восьми! – пропел коварный соблазнитель и отключился. Вот бы навсегда!

К восьми я была готова, как М16, и так же опасна. Потому что до этого я целый день наблюдала, как обслуга по-пластунски отползает от дома, нагруженная всем необходимым. И я не была уверена, что мне в тарелку не подложат живого тарантула или плохо прожаренного морского ежа. Меня все та-ак любили...

Теперь еще к этому пламенному чувству предстояло присоединиться Никосу. Время до ужина я провела плодотворно: стена парадной залы украсилась художественным портретом Казидиса. Чтобы никто не перепутал, я подписала: «В благодарность за прекрасный подарок! Я!» – и провела стрелку, указывающую на подарок.

Теперь я лениво раздумывала – купит ли мне американское консульство еще один билет на родину за свой счет? Или придется трясти Никоса?

Я все же надеялась на отсутствие у грека чувства юмора и наличие у него в большом количестве национальной гордости. Иначе после моих выходов я бы себя в лучшем случае отправила в Нью-Йорк пешком (из-за незнания географии), в худшем – купила бы билет на авиакомпанию стран третьего мира и ждала возмездия!

В восемь часов ко мне деликатно постучался Георгиос, и я открыла дверь, демонстрируя себя во всей красе.

Красы было много, хотя я никаких специальных усилий для того не прилагала. Я вообще никаких усилий к себе не прилагала, вышла как была – в трусах, футболке и резиновых пляжных шлепанцах.

Причесалась, правда... косу заплела и завязала два банта. Один на макушке, другой внизу, на кончике.

– Вы так и пойдете? – хмыкнул эсбэшник, окидывая меня критическим взглядом с головы до ног. Он был одет вполне обычно и прилично: черная футболка, джинсы и кобуры с пистолетами. Словом, ходячий ниндзя. В потемках, без бинокля и тепловизора в упор не разглядишь.

– А что? – ошетибилась жертва киднеппинга. – Я за простоту и добрачное целомудрие! Считайте, я из меннонитов!^[5]

Йоргос повторно оценил мои голые ноги и майку. Очень внимательно.

– Из меннонитов?.. Хм... не знал, что в Америке у них нынче такая мода! – Его кислотная ирония могла выесть дыру в железе.

М-да-а. Похоже, несусветную глупость лягнула. Но наш эсбэшник все-таки благоразумно воздержался от дальнейших комментариев.

– Ничего, – пожал плечами. Проказливо ухмыльнулся. – Просто Никос придет в смокинге.

– Пусть ему будет за это стыдно! – горделиво отрезала я, нимало не смущаясь и бурча голодным желудком. – И вообще! Специально для Никоса я не надену ничего, кроме траура для похорон!

Смешок:

– Гм... бедный Никос... Прошу! – Мне галантно предоставили согнутый локоть.

Я не стала упираться.

Мы прошествовали мимо портретов, и Георгиос на ходу дал мне пару дельных советов, как улучшить и обогатить внешний вид своего родственника. В основном это касалось дополнительных деталей.

Какая все же нежная между ними любовь!

На площадке возле моря находилась большая беседка, увитая цветами...

Небось все кусты в окрестностях оборвали для антуражу. И когда только Ник перестанет выпендриваться?

В беседке был накрыт стол, уставленный заманчиво пахнущими блюдами...

Я ринулась навстречу счастью. Где, где же мой долгожданный «Бургер Кинг»?!^[6] Желудок заурчал и попросился на волю. Я разрешила и дала команду: «Фас!»

Мы смели с ног поднявшегося поприветствовать даму Никоса и с блаженной улыбкой быстренько наложили в тарелку все, до чего могли дотянуться. Мы – это я с руками и желудок с претензиями.

– Проголодалась, кошечка. – Казидис поднялся, небрежно отряхивая смокинг.

Рядом с лощеным богачом, одетым в дорогуший вечерний костюм от-кутю, с бриллиантовыми запонками, я непременно должна была чувствовать себя ущербной и убогой, чем-то вроде помойной драной кошки.

А вот и нет! Врожденное преимущество блондинок. Я, как ни странно, была на высоте – спортивная, подтянутая, с длинными стройными ногами. Отдохнувшая, как будто не было

никаких неприятностей. Ущербным почувствовал себя он!

Но старая гвардия не сдаётся!

– В любви ты тоже такая страстная и нетерпеливая?

– История об этом умалчивает! – прочавкала я в перерыве между переменной блюд. Суп буйабес^[7] с идеально подсушенными багетами и чесночным соусом «руй», свежайшая рыба-гриль, лу-де-мер^[8], устрицы, нежное мясо четырех видов, включая слабо прожаренную баранью вырезку... сыры, гарниры, зелень, салатики, фрукты... соки, вина... Словом, рот и руки не пустовали. Пир на весь мир.

– А по предыдущим опытам? – взялся портить мне аппетит наглец, коварно меня домогаясь. Морально. – Не то чтобы мне хотелось сравнения...

– Не хотелось – не сравнивай! – с удовольствием оборвала я ненужные рассусоливания за столом. – Испортишь аппетит – обдеру тебя!

– В смысле? – не понял он инсинуации.

– Без смысла, – хрюкнула я, утолив первый голод и приступая к ублажению второго.

– Может быть, поговорим? – продолжал упорно отвлекать меня от еды красавчик.

Зря он так. Я ж голодная социально опасна!

– С ума сошел? – вытаращилась я на него. – Кто ж с набитым ртом разговаривает? Я и дышу-то с трудом!

Дальше воцарилась тишина, прерываемая лишь стуком столовых приборов и тяжелым сопением раздраженного Никоса.

Спустя час-полтора...

– А еще что-нибудь покушать осталось? – задалась я сакраментальным вопросом, повергая Никоса в состояние глубочайшего офонарения. Он все никак не мог соотнести количество съеденного и мой суммарный объем. По глазам вижу: что-то у брюнета не складывалось!

– Н-не думаю, – после длительного размышления отозвался «герой-любownik». Сощурился, рассеянно крутя в длинных смуглых пальцах ножку бокала и разглядывая рубиновую жидкость на свет. – Ты умяла все запасы.

– А десерт? – расстроилась я. – Ну хотя бы по мелочи: фисташковое мороженое, смородиновое желе, сладкий пудинг, черничный пирог...

– Десерт был пятнадцать минут назад, – кинул он взгляд на стильные дизайнерские часы на крепком запястье.

– Мне покраснеть?.. – надулась я. – Я много не ем, мне просто много нужно!

– И это, конечно, не одно и то же?.. – сыронизировал соблазнитель.

– Конечно нет! – отвергла я подобную связь. – Так о чем ты хотел поговорить?

– О том, что с тобой так трудно... – начал он и вызвал у меня вздох облегчения.

– Значит, я могу возвращаться домой?

– ...Но так необычно и непредсказуемо... – произнес он умасливающим тоном.

Мечта увидеть огни Нью-Йорка повесилась, как мышь в пустом холодильнике.

– ...И мне бы хотелось разгадать эту загадку...

Хе-хе! Не на ту попал! Не в нашем случае, дорогой, а то преждевременно поседеешь!

– У меня очень-очень много недостатков! – с нажимом перебила его я.

Не убедила.

– Я заметил, – съехидничал Никос, лениво потягивая из бокала какой-то светло-сиреневый напиток. Никогда такого не пробовала. Лично я берегу печень и такую гадость не

пью! Процедил: – Ты разнесла в пух и прах мой дом, чуть не убила меня...

– Чуть-чуть не считается! – бурно защищалась я.

– ...Довела до истерики прислугу... – медленно, но верно дожимал победитель народа...

в моем лице.

– Зато они прошли ускоренные курсы экстремального выживания!

– ...А уж про пасквильные рисунки в парадной зале...

Ой, да не надо запрещенных приемов! Вспоминать мои выдающиеся таланты все – это уже нечестно!

– Это абстракционизм! Вы ничего не понимаете в современном искусстве! – смертельно обиделась я на обвинения в полностью отсутствующем художественном даровании.

Да как он смеет? Может, я Шагал?! Или этот... Пьер Безухий... ой, Ван Гог?!

С жаром набросилась на глупого прожигателя жизни:

– Возможно, в будущем ты наживешь на них миллионы!

– Несомненно, наживу, – как ни странно, совершенно не стал спорить брюнет. Я даже ненадолго удивилась такой покладистости. – Обязательно.

Короткая пауза.

А все-таки я зря расслабилась! Потому что дальше слышала:

– Я точно наживу миллионы, если закрасю твои художества и не буду себя морально травмировать!

Меня хватило только на:

– Жаль! – И понимайте как хотите, чего именно мне жаль – рисунков или чужих нервов.

Сытая я нынче, поэтому добрая. Аж сама себе удивляюсь.

– Твоя манера себя вести интригует, но возникает множество вопросов, на которые я обязательно получу ответы, – твердо пообещал Никос, снова повергнув меня в удивление.

– Зачем? – задалась я вопросом. – Это настолько важно?

– Да я сам себя спрашиваю, – скривился мужчина. Подался вперед, вперившись в мое лицо немигающими агатами выразительных глаз: – Почему красивая девушка ведет себя как асоциальный элемент, хотя имеет степень бакалавра философии? Или почему леди, обладающая тонким вкусом, постоянно ходит в мужских трусах и майке? Или...

– Мне нравится мой внешний вид такой, какой он есть, – уверенно заявила я. – А если тебя отталкивают шелковые трусы, то я рада! Да, кстати, у тебя еще парочки не найдется?

– Обносилась? – стал подтрунивать надо мной миллионер.

– Фасончик приелся... – неохотно призналась я, вытягивая ноги и складывая на груди руки. – Надо бы слегка обновить. – Повела шеей, стряхивая неприятное онемение. – Кстати, у меня тоже есть куча вопросов.

– Да-а? – Тон вальяжного, самодовольного кота. И бантик на шее. Под смокинг. Ладно, получай, что просил, ходячий мачистый атавизм. Получай и не жалуйся.

Я кашлянула и достаточно внятно произнесла:

– Например, почему умный, здравомыслящий человек, далеко не новичок в бизнесе, становится неуправляемым козлом в сексе?

– ...? – застыл он, уставясь на меня в таком изумлении, как будто я ему сей момент подарила миллиард на мелкие расходы или процитировала Плутарха в подлиннике.

Нет, я могу, конечно. Но зачем?.. Чтобы опять стал на меня смотреть, как баран на новые ворота? Я от таких взглядов, может, дырками начинаю покрываться. У меня на его вытарщенные зенки уже аллергия!

– Или почему человек твоей внешности пробавляется кражей девушек, когда достаточно познакомиться и чуточку поухаживать? Да что поухаживать – просто ласково посмотреть?!

Выражение его лица было непроницаемым, но подсознательно я почувствовала, как он напрягся всем телом.

Да-а-а... Может, ему задачу Булоса^[9] озвучить и вырубить философским нокаутом?.. Или подождать и добить пока вручную?

– А ты безмерно любопытна, котенок, – очухался Никос и встал, отвернувшись к морю. Вздохнул. – И задаешь опасные вопросы. – Красавец-грек хищно раздул ноздри и освободил тугую затянутую бабочку. – Думаешь, это отвлечет меня от главного?

– А что у нас главное? – невозмутимо задала я чисто риторический вопрос. Почему риторический? Да тут и гадать нечего. Шуточки о том, что у мужчины главное, давно засоряют Интернет, а еще раньше – целыми тысячелетиями муссировались за столом на кухне под хохот представителей обоих полов.

– Э-э-э... – Его рука потянулась к моему плечу.

Я ловко отшатнулась. А вот без рук! Не надо нам преждевременных страстей за бокалом пива! Успеется!

– Тут смотря что считать главным, – пожала я плечами, ерзая в плетеном кресле и устраиваясь поудобнее. – В моем случае любой вопрос ведет к твоему поражению...

Мужчина резко повернулся, выдернул меня из кресла и прижал к себе. И меня стало как-то очень мало... Я просто потерялась на этом громадном поле деятельности.

– Почему с тобой так трудно! – пробормотал он, оттягивая мою косу и намереваясь поцеловать.

– А кому сейчас легко? – философски спросила я, щупая объект, который мне настойчиво навязывали.

Не то чтобы мне прямо все нравилось, но и видимых дефектов не нащупала. В моральный аспект данного вопроса углубляться не будем – кое-кому поможет только лоботомия!

– Не елозь по мне, – предупредил мужчина, начиная кампанию по охмурению и соблазнению.

– А то?.. – Параллельно я раздумывала над тем, что лучше сделать первым: соблазниться или охмуриться? Ужас! Прямо раздвоение личности!

– А не то... – И он так тесно ко мне прижался, что я подумала: «Ой! Ого! Ни фиги себе! И это все мое? Мне столько не надо!»

Когда я собралась донести до него последнюю мысль, то не успела по причине занятости рта.

Он меня поцеловал... И знал ведь, гад, что делал! Поцелуй, начавшийся как захватнический и жесткий, плавно перетек в нежный и ласковый, а я из обычного состояния перетекла в агрессивное!

Какое там соблазнение! Тут происходила диффузия, и я была против!

Честное слово, я вполне уступчива! Уже была готова охмуряться до Шопенгауэра... но все в этом мире имеет какие-то пределы!

Нельзя вот так набрасываться на бедную маленькую беззащитную пиранью и моментально требовать ответа на физическое действие! Ведь можно наткнуться на активное, яростное противодействие, и тогда оборзевшего чернобрового нахала спасет только...

В кармане смокинга завозился-завибрировал мобильный телефон.

– Это для усиления эффекта? – подпрыгнула я, отстраняясь от двухметровой печи. – Если сам не сможешь, так прогресс под рукой?

Никос чертыхнулся сквозь зубы. Одной рукой нащупал телефон, другой пригреб меня обратно и ответил на звонок:

– Никос.

Честное слово, прозвучало как «Саурон»!

Выслушал и быстро-быстро начал говорить по-гречески. Я затаила дыхание и растопырила органы слуха. Надеюсь, они не слишком явно вибрировали!

Какое количество ценных сведений можно получить, только оказавшись в нужном месте в нужное время!

Спустя какое-то время, потраченное Казидисом на ценные указания и возмущение падением курса акций его предприятий, мне стало скучно, тесно и жарко.

Притиснутая насильно к его горячему, крепкому телу, я силой мысли буравила белую сорочку и предлагала всем соучастникам преступления отправиться на прогулку в особо отдаленные южные края, именуемые адом.

Наши действия совпали: он отключил телефон, а я отключила совесть! Только он спрятал аппарат в карман, а я выставила отсутствие у меня одного из важнейших качеств наружу и потопталась у него на штиблетах.

– Прости, котенок, что разочаровал, – скривился Никос, но из рук не выпустил. А все потому, что у этого гада были уже обе руки свободны! – Но мне нужно срочно уехать!

– Мне – тоже! – лучезарно улыбнулась я, попутно задумываясь, что бы поувесистее уронить ему на голову.

– Ты подождешь меня здесь! – непреклонно ответил мужчина. – Я вернусь, и мы продолжим с того же места!

– Сбрэндил? – ужаснулась я. – Мне что, тут так огрызком и торчать? Мы так не договаривались!

– Мы вообще еще ни о чем не договорились. – Меня окинули таким взглядом, который можно было смело патентовать как рентген.

– Кто ж виноват, что у тебя менталитет, как у осла? – возмутилась я, отчетливо понимая – мне ничего не светит! Ни в конце тоннеля, ни в начале!

– Не стоит оскорблять романтично настроенного мужчину, – с показной ласковостью сказал Никос и та-а-ак посмотрел на мои губы, что я почувствовала себя Гретхен. И засмушалась. – Вот и умничка, – рассмеялся поганец, неверно истолковав мои глазки, опущенные долу.

Отлично! Потому как если бы он мог заглянуть в мои мысли – прибил бы насмерть! Я в то время как раз мечтала о хорошем конце для плохого мужчины. Наверное, здорово было его удавить на резинке от трусов!

Казидис легко прикоснулся к моим губам своими и промурлыкал:

– Что тебе привезти, дикая кошечка?

– Когтеточку! – вскинула я на него взгляд и попыталась испепелить. Не получилось. Даже искры не проскочило...

– А если серьезно? – весело фыркнул он, наблюдая за моими гримасами.

Веселишься, гад? Зря-а! Я вырвалась из его объятий и потопала на виллу. По дороге остановилась и заявила через плечо:

– Можешь привезти мне полное собрание сочинений Марка Аврелия. Я буду обниматься

с философом и коллекционировать оргазмы! – Сжалилась: – Потом посмотришь на видеозаписи!

– Ведьма! – услышала я вслед.

– Не совсем! – парировала, хитро улыбаясь...

Мечтаю только об одном – воткнуть тебя в бассейн лицом!

– Что он мне прислал? – недоумевающе хлопала я ресницами на Георгиоса около бассейна.

Мужчина, сильно смущаясь, протягивал мне несколько томиков в богатых кожаных переплетах:

– Никос сказал, что для Аврелия вы пока не доросли и такое пособие нужно читать вместе, а пока предлагает вам Стивенса...

– «Остров сокровищ», значит? – Я закусила нижнюю губу и набычилась. – Как пособие?..

Мужчина оставался индифферентным. Вроде того: «Я не я и вилла не моя!»

И тут мне пришла в голову изумительная идея. Выхватив из рук смущенного эсбэшника книги, я помчалась к себе, бросив через плечо:

– Спасибо! Я очень внимательно изучу!

Изучала я действительно долго и вдумчиво: перерисовала карту острова сокровищ на план виллы, особенно ловко примеряясь, чтобы под более тщательное изучение попали несущие стены...

У меня был свой план, и я искренне надеялась, что Никосу он тоже понравится! В переносном смысле.

Для начала я порылась в инвентаре садового домика, отгоняя, словно черта ладаном, несчастного садовника зеленым платьем.

Мужик так расстроился, когда я конфисковала его любимую лопату, что я, движимая состраданием, предложила ему копать по очереди.

Он почему-то не согласился и стал настаивать на единоличном владении инструментом. Жади́на и скупердяй!

Я предложила честный обмен – он мне лопату, а я забираю обратно свое платье. Пригрозила: в противном случае подарю еще два для разнообразия! Микис оплевал все грядки и сдался мне с потрохами. Я не взяла. Скромность не позволила.

Итак, у меня был план и лопата. Оставалось совсем немного времени до наступления темноты...

Сначала у меня была мысль припахать охранников – все равно болтаются без дела. Но по зрелом размышлении я от этой мысли отказалась по причине повышенного ябедничества Георгиосу. А для этого было еще рановато...

Я еще раз послонялась по окрестностям и выбрала себе цель. В летнем домике ну просто обязательно должны быть сокровища и непременно под фундаментом! Я внимательно оглядела фронт работ, наметила себе первостепенные наиглавнейшие задачи и пошлепала спать, предварительно тиснув из подсобки рабочий комбинезон.

Между часом и двумя я спустилась вниз, принаряженная в настоящую рабочую одежду, как говорится, really. Только я не была уверена, что она должна выглядеть именно так.

Я немного бултыхалась в талии, не втискивалась в груди и выглядела натуральным Карлсоном в рабочих штанишках. Волосы я замотала тканью. И отправилась на золотой промысел. Да-да! Кому-то явно придется за это платить золотом!

Отыскав в кустах заныканную лопату, я целенаправленно приступила к делу и подрыла все по периметру.

К искреннему сожалению, фундамент подсобного домика выстоял. Подрывная деятельность грозила обратиться в пшик. Этого я позволить не могла.

Облокотившись на лопату, я еще немного подумала и пошла ломать оливу... или маслину, разницы не понимаю. В общем, я не особо не вникала, когда оттяпала острым топориком что-то длинное и толстое.

С дубиной наперевес я протопала по розовым кустам, особо нежно любимым Никасом. Сильно не повредила – так, проредила чуть-чуть...

Сосредоточившись на цели, я подсунула палку под углы здания и немножко повисела на ней. Что-то хрустнуло. Надеюсь, не моя совесть.

Домик сражался за жизнь насмерть и сдаваться не собирался. Я обиделась, в предрассветном сумраке оглядела красочную картину: «Как не стоит обижать женщину!» – и разочарованно вздохнула.

Ладно, завтра я вернусь и продолжу! Хоть злость свою скину!

Я вернулась к себе до того времени, как проснулись обитатели дома. Правда, у пары охранников гарантированы неприятные ощущения в области пищевода. Они кушали фрукты, когда я выскочила на них из-за угла с лопатой, чумахая и облагороженная потом. Кто-то, кажется, подавился...

Кашель сопровождал меня до моей комнаты. Все же повышенное внимание не всегда льстит девушке, особенно когда она немного непричесана.

Приняв душ и отскоблив с себя пару пластов трудовой грязи, я с большим аппетитом позавтракала и поплелась к бассейну. Спать – это хорошо, но вредно для фигуры, особенно после такого количества пищи.

Сегодня я решила не выпендриваться и воспользовалась нормальным купальником. Правда, выбрала себе поостроже и позакрытее. Знаю я этих сторожей. Они типа караулят, только почему-то их глазки вечно оказываются на моей пятой точке. Я ею просто чувствую!

Расслабившись и придремав под томиком Стивенса, я пропустила звук прилетевшего вертолета...

Справедливое возмездие настигло меня тогда, когда я, как говорится, ни сном ни духом. В общем, такой подлянки от обычно легко просчитываемого зануды Никоса, у которого все делается строго по расписанию, я не ожидала.

Этот... самец бабуина дождался вечера. Я, уставшая от трудов несправедливых, бултыхалась в бассейн.

И вот, только я заплыла примерно на середину и чувствовала себя будто у Бога за пазухой, неожиданно в воду обрушился Никос.

Время словно замедлило свой ход. Буквально в пару-тройку махов достигнув убегающую пленницу, он обхватил меня одной рукой и, будто пушинку, потянул на мелководе. Нет, это не мужчина, это самый натуральный дельфин! Косатка...

– Отстань от меня, млекопитающее!

Пытаясь вырваться, я колотила по воде ногами и кричала. Но только едва не нахлебалась воды. Пробовала кусаться и царапаться. Толку никакого. Все бесполезно перед грубой мужской силой. Даже если я его пожую с головы до ног, то он этого не почувствует, а мне придется заказывать вставную челюсть!

– А-а-а-а! Буль-буль-буль! – Я прилично испугалась и удвоила усилия. – Можешь не

отставать, пока не вытащишь! А потом отстань!

Он вытащил меня поближе, туда, где уже можно встать, и приподнялся из воды, обхватив меня руками. Его легкие, как мехи, двигались внутри широкой грудной клетки. Разъяренное лицо придвинулось так близко, что я смогла разглядеть карие глаза, в которых тьма зрачков поглотила радужку. Сиплый шепот прозвучал страшнее рева:

– Чего ты кричишь? Неужели я такой страшный?

Ну как тебе сказать... Если мужчина по определению опытных женщин должен быть чуть-чуть красивее обезьяны, потный и волосатый... то тебе не повезло! Ты – гораздо симпатичнее...

А потом Ник поцеловал. И если по тону можно было решить, что он смертельно зол, то нежные прикосновения губ выдавали совершенно иное состояние. Одной рукой он крепко прижимал меня к себе.

Другой... его пальцы скользили в моих волосах, спускаясь к шее. Они огладили чувствительную ушную раковину, самыми кончиками прошлись вдоль шеи и позвоночника.

Когда сильные, гибкие пальцы достигли определенной точки на пояснице, меня словно огнем прожгло, будто насквозь прострелило. Невольно у нас обоих вырвался низкий стон.

А он целовал меня не останавливаясь, ласкал губами и языком везде, где только мог достать.

Неожиданно я утратила всякую способность к сопротивлению. Чувствительность обострилась. Меня словно поочередно окатывали волны то жара, то холода. Я и дышала-то с трудом. Первый раз в жизни я была в смятении.

Неужели между двумя это бывает так... настолько чудесно?

А он отстранился, заглядывая мне в глаза, прошептал:

– Джу-ул...

Одна рука по-прежнему придерживала меня за талию, другая поразительно осмелела. Пока он выцеловывал шею, прокладывая дорожку к груди, рука забралась мне под бикини и внаглую распустила завязки на спине и на боках. Я и оглянуться не успела, как мой купальник поплыл на дно.

Мне стало немного обидно за такое коварство, и его плавками я занялась лично и не успокоилась до тех пор, пока они не отправились туда же. Теперь мы стояли в бассейне голые, как Адам и Ева. Подозреваю, третейскую роль змеи сыграет часто упоминаемый мужской отросток.

Да я глаза себе сломала, стараясь не смотреть на эту часть его тела! С одной стороны – очень хотелось изучить досконально: пощупать, подергать и покрутить. С другой – я не думала, что он это воспримет благосклонно... Тем более он же не знал, что я все люблю рассматривать вблизи, а вот наклоняться не люблю. Пусть это будет для Никоса маленьким сюрпризом!

А я уже практически – да что практически! полностью! – сдалась на волю победителя. Уже сама, по своей воле подняла руки, обхватывая сильные бугристые плечи. Меня вело желание.

Когда я, уже предчувствуя то самое, была немного приподнята и вот-вот должно было начаться самое приятное и интересное, вдалеке раздался грохот.

Никос отстранился, поднял голову и замер, прислушиваясь и не обращая ни малейшего внимания на мои копошения над (скорее – под) ним. Когда мне перестало хватать воздуха, раздались крики и послышался топот.

Ник вылетел из воды в мгновение ока и выловил меня. Когда к нам подлетел запыхавшийся Георгиос, я была туго завернута, как мумия, в полотенце и никакими частями тела не отсвечивала. Кстати, сам хозяин одеться не успел и сейчас всем активно демонстрировал свое роскошное хозяйство.

Эсбэшник, старательно отводя взгляд от нас обоих, встревоженно сообщил:

– Рухнул летний домик!

– Почему? – Никос, явно хорошо натренированный на подобное действие, уместил меня под мышкой и пошел за еще одним полотенцем.

Я начала злиться. Жара, неудовлетворенное желание и опасения, что разгребать «сокровища» заставят меня, сделали свое дело. Мне пришлось применить все оставшиеся силы и вывинтиться из захвата.

Казидис сражаться со мной не стал и отпустил на волю с миром. Хех, но он же еще не знал, кто виновник переполоха!

Просто посмотрел на меня жгучими глазищами и спросил:

– Ты что-то хочешь, дорогая?

– ДА! – рыкнула я. – Снайперскую винтовку для Георгиоса и мачете для тебя!

– Почему такая дискриминация? – Черная бровь изогнулась, пока он натягивал джинсы.

Начальник охраны просто замер и старался не реагировать нервно на мои замечания. Вот это выучка!

– Потому что я его просто пристрелю! – вызверилась я, плотнее запахивая полотенце, которое немножко размоталось. – А тебя – кастрирую!

– Злишься? – Он попытался ко мне подойти, но Йоргос удержал за локоть, что-то нашептывая на ухо.

Естественно... Предупреждал, что я могу и отгрызть, если ножика не дадут! Могу, конечно, но кто ж сказал, что хочу? Оторвать гораздо легче!

Ну что за день! Никакого блаженства! И я ушла спать на чердак! Правда, с удовольствием послушала, как вернувшийся с раскопок Никос сначала долго вспоминал родственников по женской линии, а потом носился по дому, выманивая меня, чтобы показать, где греческие раки гоняют понты. Но мне это было неинтересно...

Не жалею. Не зову. Не плачу. Некогда. Работаю. Ишачу.

NN

– Рабство отменено еще два века назад! – гордо заявила я, когда мне предъявили улики и вежливо, но очень настойчиво попросили восстановить разрушенное. В педагогических целях...

– То есть ты не хочешь?.. – прищурился злой Ник, рассматривая меня сверху. Он, похоже, до сих пор так и не ложился и теперь щеголял грязными «ливайсами» плюс исцарапанным о любимые розы обнаженным торсом. Изгвазданная футболка полетела на пол только что. Видимо, ее владелец решил: вещь восстановлению не подлежит.

Зато у него было преимущество – он стоял, а меня посадили!

На стул. И деликатно четырьмя руками придерживали, потому что я норовила отвертеться от предложенной чести. И сбежать. Но меня упорно отсекали от возлюбленной пальмы.

– Нет! – замотала я головой. – И вообще, это ты виноват!

– Что-о? – изумился он. – Не припомню, чтобы я просил тебя развалить мой летний домик.

– А кто передал мне «Остров сокровищ»? – нахмурилась я, злобно сверкая глазами на застывших охранников, двух чернявых «шкафов» с отмороженными физиономиями.

Они потому и «стыли», что чуяли копчиком, как им это отрыгнется. Фруктами.

– При чем тут Стивенсон? – не понял Никос, засовывая руки в карманы джинсов и привлекая мое внимание к тому, что я еще никогда не изучала.

– При том! – парировала я. Недюжинной силой воли отвлеклась от обоюдных пререканий, глядя ясным взором на похитителя. – Георгиос передал и сказал изучать как пособие. А я от теории всегда перехожу к практике!

Казидис метнул о-очень выразительный взгляд на родственника и выдал:

– Ну что, братец, доигрался? – Ядовито передразнил: – «Пусть поразвлекается – детство вспомнит!»

– Так это ты-ы! – обрадовалась я. – Значит, так – ты строишь, я руковожу!

– Кто ж знал, что девочка так увлечется? – пробормотал эсбэшник и медленно покачал головой. – Мне казалось, так лучше... Не дарить же ей было Жюля Верна. Кто ведает, что бы она тут изобрела?

– А хотите, я попробую воспроизвести формулу пороха? – загорелась я внезапной идеей.

– НЕТ! – в один голос рявкнули оба, вздрагивая. – Иди лучше... в бассейн!

– С ребятами? – Я с намеком улыбнулась, потому что те меня так и не отпустили, а следовательно, – это теперь мое и я могу пользоваться с чистой совестью.

– Извините, босс, – сказал один из парней, поспешно убирая от меня свои граблеобразные лапищи. – Она, конечно, красотка, но я рисковать не буду! Хоть увольняйте.

У второго на щетинистой роже нарисовалась такая же умная мысль.

– Идите, – махнул рукой Казидис, и я вихрем сорвалась с места, пока не спохватились. Но меня успели остановить приказом: – А ты останься, Джул!

– А почему сразу я? – задала я риторический вопрос, горестно мечтая о ближайшей пальме.

– Потому, что все беды от тебя, – нагло заявил он мне, отпуская начальника охраны. Последний собрался уходить просто ошарашенным!

Я не могла такое подлому вооруженному змею спустить и высказалась достаточно определенно:

– Не радуйся! Ты мне теперь по гроб жизни будешь должен за Стивенсона!

– Похоже, этот гроб не за горами, – обреченно сказал Георгиос и пошел искать пятый угол.

Я повернулась к Никосу и спросила:

– И что ты имеешь против меня?

Его ответ был довольно неожиданным:

– Если бы мне сказали, что это ты предложила яблоко Адаму, я бы поверил!

– Зря! – скривила я губы. – Скорей всего, змий с Адамом раздавили шкалик на двоих и закусили яблочком, а с похмелья свалили все на бедную Еву! Благо их было двое, а она одна! Второй идет свидетелем!

– Круто! – восхитился моими доводами полуголый Никос. – Но мы сейчас не об этом...

– Естественно! – далеким от доброжелательности тоном высказалась жертва произвола. – Если кто-то начинает ущемлять мужское достоинство, то сразу «мы не об этом»!

– Джул, – перебил он меня. – Ты перешла все границы...

– Серьезно? – не осталась я в долгу. – Где пограничный столб и таможня? Почему отсутствует визовый контроль?

– Ты перешла все границы!!! – повторил он, сверля меня взглядом и делая мне щекотно. – И должна будешь понести наказание!

– Депортацию? – наивно предположила я, широко раскрывая невинные глаза и подпуская во взгляд неземное сияние.

Сияние не оценили.

– Трудовую повинность! – припечатал он.

Мне такая постановка вопроса откровенно не понравилась.

– В чем эта повинность заключается? – осторожно поинтересовалась, переминаясь с ноги на ногу и рассматривая ангелочков. Коллеги по заключению как-никак.

– У тебя есть два пути...

– Есть – это хорошо! – Я мечтательно зажмурилась.

Но Никос так громко продолжил свою мысль, что пришлось прикинуться третьим ангелом:

– Или ты работаешь по дому, или занимаешь место в моей кровати!

– А что я там буду делать? – Должна же я была уточнить детали.

– Ты там будешь спать! – рявкнул Казидис.

– А где будешь спать ты? – Все же детали иногда играют существенную роль в нашей жизни.

– Рядом! – Он уже рычал, как обозленный питбуль. И зубки тоже почти такие демонстрировал.

– А-а-а, – поняла я. – У тебя острый дефицит кроватей и ты решил сэкономить?

– У меня нет никакого дефицита!!! – заорал он.

Я подняла брови в удивлении:

– Значит, ты жлоб?

– ЧТО?!!

– Мысли вслух, – пошла на попятный.

Он как-то неестественно быстро успокоился и побуравил меня зенками на предмет совести. Месторождение не обнаружилось.

– Ты будешь спать со мной в одной кровати столько, сколько я сочту нужным, – ласково, как ягуар на выпасе, сообщил он с холодной, жестокой улыбкой.

Да-да... Губа уже отвисла ниже коленок... и слюни капаят... ядовитые.

Я крикнула: «*Ты ничего не получишь!*» – и злобно расхохоталась. Мысленно.

А Никоса понесло...

– Мы будем заниматься сексом ТОГДА И СТОЛЬКО, сколько я сочту нужным. Ты будешь принадлежать мне вся, душой и телом...

М-дя... белены, что ль, нанюхался? Или грибочков особенных нализался? Так они вроде тут не растут... Может, вертолетом завозят?

– Не обольщайся! – Я подобралась, как кобра, от злости на такое самомнение. – Этого не будет!

– Будет, Джул, – оскалился он, по-кошачьи потягиваясь всем телом. – Ты уже млела в моих объятиях...

Ой, что-то мне нехорошо! Магнитные бури, вредные аспекты планет... Уходить надо. По-хорошему. Прибью ведь, и на этом мстя вся кончится! Низзя!

– Это была ошибка и минутная слабость! – взорвалась я.

– Значит, она будет и часовая, и месячная, – уверил меня Никос, оглядывая мою фигуру горящим взглядом. Плотно: – Но ты будешь принадлежать мне!

– Обломись! Не будет того! – отказалась я наотрез. – Лучше я буду разбирать завалы!

– Нет? – хмыкнул мужчина. – Тогда ты будешь работать по дому как горничная... причем одна на все этажи! Пока не отработаешь все мои потери!

– Можно уже бояться или угрозы на сегодня исчерпаны? – Если он думает – у меня слабые коленные чашечки, то ошибается!

– И не надейся, что сможешь бездельничать! – крикнул он мне вслед. – Тебя тогда не будут кормить!

Дрожу, дрожу. Угу.

– Ой, как страшно! – злорадно ухмыльнулась я, провокационно потягиваясь. – К твоему сведению, я вообще-то ем сама, без помощи слуг!

– Упрямая как ослица! – сорвался бешеный козлик. Нет, архар! Древний и вымерший. С двухметровыми от-такенными рогами!

– Гамадрил! – не осталась я в долгу, хлопыстнув дверью об косяк.

Вот и поговорили конструктивно. И если он думает, что я попрошу пощады, то сильно ошибается! Я твердо решила добиваться своего и отправилась отрабатывать свое содержание! И пусть потом не плачется, что банкрот, и кошельком опустевшим не трясет. Насчет депортации я ему предлагала!

Спустя три часа...

Бабах! Бум! Бам!

– ...!...! – по-гречески взывал Георгиос к батюшке-матушке, оказавшись внизу лестницы гораздо скорее, нежели рассчитывал. Была там и незабвенная «пелагия»,

«малакос» и еще что-то из устного греческого.

Конечно! Натирка для деревянных полов превращает мрамор в подобие очень скользкого льда. В этом уже убедился один самоуверенный эсбэшник.

Ха! Для полной чистоты и дезинфекции я и перила ей натерла! Везде.

Решив, что маму тут Йоргос до утра не дождетя, пришла ему на помощь. В конце концов, я по натуре существо доброе и кроткое, не в пример некоторым гнусным феодалам!

– Ты живой? – выглянула из-за двери, наблюдая, как взмыленный запыхавшийся мужчина пытается сдвинуть ноги. Теперь он в курсе, каково приходится бедным угнетенным женщинам!

– Когда я встану... – ласково и задумчиво сказал Георгиос, с трудом сведя прикосевшие синие глазки, – то закопаю тебя под первым же кустом!

– Тогда я пошла, – быстро сориентировалась я в обстановке и резко передумала ему помогать.

– КУ-УДА?!!

Бумс! Конечности упорно не хотели встречаться.

– Пропалывать, – кротко объяснила я, целеустремленно пятясь задом. – Мне еще столько нужно сделать...

– НИКОС!!! – заорал немного обиженный жизнью начальник охраны. – Говорила моя мама твоей, чтобы не выходила замуж за понтийца!!! Все вы на бабах помешанные! И кровь бешеная!

– Ты чего орешь? – нарисовался еще один слаломщик и...

Бабах! Ой! Оу! «Мать» пять раз и что-то еще из высшей математики, долго и загогулисто. Сразу чувствуется качественное высшее образование!

Теперь шеф с телохранителем лежали друг на друге и делали вид, что незнакомы...

Решив не мешать им познакомиться ближе, я мигом сориентировалась и удрала со словами:

– У меня обеденный перерыв!

– Если ты ее сам не прибьешь... – прошипел взбудораженным аспидом Георгиос, выбираясь из-под начальства. Его глаза метали искры, а руки крючились от нежных переживаний. – То я сделаю это сам, и с бо-ольшим удовольствием!

Теперь я знаю, что значит выражение «начальство ездит верхом».

– ТЫ ОСТАЛАСЬ БЕЗ ОБЕДА!!! – бурно отреагировал Никос. – И без завтрака с ужином!

– Переживу! – легкомысленно отмахнулась я. – Есть еще и подножный корм!

Спрашивается, что нужно современной здоровой женщине для полноценного питания? Белки, жиры и углеводы! И я собиралась их добыть любой ценой. За счет Никоса.

Для начала я обтрясла все фруктовые деревья, включая финиковые пальмы, и обнесла опунции (в перчатках). Следующим этапом сделала стратегические запасы во всех труднодоступных местах: у Никоса под подушкой, в ящиках стола и в стопках одежды, которые я еще подавила сверху. Для верности.

Знаю, повторяюсь! Но повторение – мать учения!

Все, что осталось, я разложила красивыми декоративными кучками по всему саду, при этом успев вовремя отобрать у Микиса крепкую, надежную веревку. Вдруг бы он, бедный, решил свести счеты с жизнью? Правда, меня не оставляло смутное сомнение, что с моей...

Микис был категорически против моего нахождения во вверенном его заботам саду и

выражал свой протест поднятыми к небу глазами, волосами и руками. И вообще, стал каким-то излишне дерганным.

Все же я была не законченной стервой, а всего лишь стервой со стажем, поэтому пожалела мужика и, ласково заглядывая ему в глаза (для этого пришлось подпрыгивать у него на ступнях, чтобы было повыше), вежливо и вполне культурно спросила:

– Не одолжите ли червей, сэр?

– Нет! – оказал мне отчаянное сопротивление садовник на всех известных ему языках – родном и... очень родном.

Это меня совершенно не устраивало. Я зашла с другой стороны:

– А если я сама поищу... тут? – и ткнула пальчиком в поредевший (с моей легкой руки) куст роз.

Микис попытался сдаться мне на милость со всеми потрохами еще раз, но я соглашалась его брать только за взятку – червей. И ему таки пришлось их искать.

После того как он накопал целый кулек извивающихся красных дождевых червей, я посулила мужчине больше в саду сегодня не появляться. Он ушел в блаженном неведении и со спокойной душой, чтобы начать волноваться завтра.

А я пошла на рыбалку! Должна же я как-то обеспечивать себе пропитание!

Удочек у них на вилле почему-то не водилось, и я сделала ее себе сама. Оч-чень умелыми ручками.

Для этого мне понадобились...

Длинная палка (оторвала сверху от балдахина в комнате у Никоса. Кстати, пожарная лестница прекрасно подходит для подъема и является самым безопасным местом в доме).

Леска. С этим оказалось плохо. Пришлось снова попросить у Ника займы несколько пар трусов. Точнее, все. И экспроприировать резинки.

Поплавок. С этим было еще хуже. Но это им хуже, а я просто взяла со стола золотой «паркер» и легко решила эту проблему.

Крючок. Эта проблема выбила меня из строя на целых три минуты, пока я не нашла у Ника в сейфе серьги с громадными сапфирами и не позаимствовала одну.

Грузило. С этой ролью лихо справились его часы с изумрудами фирмы de Grisogono. Заодно и рыбок привлекают.

Надеюсь, Нику понравится моя удочка!

Рыбалка удалась на славу! Правда, рыбу пришлось приманивать свистом и стриптизом. В результате я собрала половину населения острова – мужскую. И она, в смысле – половина, наловила мне кучу рыбы. Я взяла!

И наделала кучу авансов – я отказалась!

А как тут согласишься, когда сзади постоянно маячат две гориллы при исполнении, с кобурами на боку, и ненавязчиво делают вид, что они со мной тесно не знакомы. Но если типа что... то немедленно прекратят безобразие на вверенном им объекте присмотра!

Я не стала рисковать здоровьем гражданского населения и сразу поднялась в своих глазах. Все же приятно быть доброй. За чужой счет.

Возвращалась домой с обветренным лицом и богатым уловом, напряженно раздумывая: насколько я могу производить впечатление японки и как сырая нечищенная рыба повлияет на мой пищеварительный процесс. Японский ген я в себе, увы, не откопала и решила запечь рыбу на углях.

С этим возникали некоторые трудности. Потому что я обещала садовнику не цвести и

не плодоносить сегодня в его угодьях. Н-да... поторопилась.

Идем дальше. На кухню меня не пустят – это факт. Кухарка уже запаслась большим ведром святой воды и ладаном. Не то чтобы мне это как-то мешало, но кому хочется ходить мокрой и вонючей? Мне вот – не хочется.

Итак, что мне оставалось? Только верхняя терраса. Туда я и направила свои стопы вкупе со всем остальным добытым честным трудом имуществом.

Розовый фламинго – это не птица счастья. Это длинные ноги, крепкий клюв и твои нервы!

– Пожар!!! Горит!!! – надрывалось население дома во всю глотку. Впрочем, глас толпы сейчас звучал уже как единый хор, необычайно слитный.

И чего орать? Подумаешь, немного не рассчитала количество дров...

Вернее, не так. Количество было правильным, а качество полов на террасе оставляло желать лучшего. Я и желала. Пока могла... Потому что после прибежали все свободные от обязанностей люди (то есть вся прислуга. Видимо, я считалась их основной обязанностью и божьей карой). И я снова осталась голодной...

Угладев неизбежное возмездие в лице двух помятых и злых мужчин, неразлучных как попугайчики, я быстро ретировалась на поиски другой пищи. Заначку пока трогать не хотелось.

Если уж мне не дали насладиться рыбной кухней, а вегетарианская у меня уже из ушей перла, то по зрелом размышлении я решила обойтись птицей.

В одной кулинарной книжке я прочитала: «Если вы сильно озадачены, что подать на стол, – не сомневайтесь и выбирайте птицу...» Я и выбрала... ту птицу, которую нашла. Но почему-то никто в той книге не упомянул, что у птицы кроме мяса есть еще целая куча побочных продуктов! В частности – она была живая и живой хотела впредь оставаться.

Розовый фламинго, насильственно разлученный с естественной средой обитания, сильно обижался и норовил долбануть меня клювом по голове... скорее всего, как по самому слабому звену.

Если я правильно помню хоть что-то из зоологии, то эта милая, уже полуощипанная птичка проявляла несвойственные ей повадки и тщи́лась сунуть голову в каменный пол беседки. Я ее отговаривала, отвлекая эпиляцией оставшихся перьев.

Мы так мило проводили время, но тут пришел Тянитолкай с двумя злющими красными мордами, и мы с фламинго были по-варварски безжалостно разлучены.

– И что ты делаешь, позволь тебя спросить?.. – Никос выдернул у меня из загребущих рук разнежившегося фламинго и передал Георгиосу.

– Не позволю! – надула я губы.

Но тут как бальзамом по открытым ранам:

– Ой! – от Йоргоса, потому что моя птичка стремилась на волю.

– Вивисектор! – встала я в позу оскорбленного защитника природы.

– А ты тогда кто? – Эсбэшник на вытянутых руках держал птичку, удивленно опознавая вид данной особи.

Счас! Он эту особь точно не видел, я ее из дальнего конца сада приволокла!

– Ей было жарко, и я оказывала первую помощь! – нехотя призналась я.

Фламинго и Георгиос уставились друг на друга с обалдевшим видом.

– Не морочь мне голову! – взорвался Никос, хватая меня за руку и волоча за собой.

Я отчаянно сопротивлялась, упираясь пятками и вспахивая новую грядку. Микис будет просто счастлив, когда увидит! Как бы его от восторга удар не хватил! Вообще-то я не держу на людей зла, просто иногда выплескиваю его наружу.

– Было бы чего морочить! – орала я ответ, выкручивая руку. – У тебя эта часть тела отсутствует как таковая!

– Не важно! – Он тащил меня, невзирая на препятствия, а я цеплялась за все, что попадалось мне под руку. В результате мы уже совместно волокли какую-то балясину и, кажется, садовую скамейку, но я не была точно уверена.

Около входа в дом меня очистили от лишних предметов и торжественно перенесли через порог за шкуру.

– Удачного дня! – радостно пожелала я трем горничным, отмывавшим лестницу. Судя по их взглядам, они явно желали этот день сделать для меня особо удачным. И последним.

Наверх мы поднимались как альпинисты: по веревке и со страховкой. Мне понравилось... чего не скажешь о Никосе.

В его спальню мы влетели на космической скорости. Первый раз вижу мужчину в состоянии полнейшей невесомости. Он просто плавал в эмоциях... и норовил поделиться этим необычным состоянием со мной.

Мы застыли друг против друга, сжимая кулаки. Похоже, сейчас будет смертный бой.

Но тут Ник невероятным усилием взял себя в руки. В прямом смысле – обхватив себя за предплечья. Аж костяшки побелели. И уставился на меня лазерным прицелом.

У меня срочно зачесалось между глаз. Снайпер-самоучка нашелся!

– И что я тут забыла? – любопытствовала я, ускоренно просчитывая пути к отступлению и кося на отрытую дверь кабинета. Интуиция мне подсказывала, что новую удочку он еще не видел!

– Сейчас ты разденешься и ляжешь в кровать! – прошипел он, извергая из глаз молнии. – И мы продолжим начатое!

– Нет! – отказалась я, точно зная: в эту кровать я никогда не лягу. По крайней мере, пока не поменяют постельное белье и не вытряхнут колючие плоды опунции.

– ДА! – уверенно заявил Казидис, сдергивая покрывало и... застывая в недоумении.

Миллионер рассматривал живописнейший натюрморт: я финиками выложила фигу, перемежая рисунок декоративными фонариками опунции. Кстати, потратила на это полчаса своего драгоценного времени, которое могла с пользой употребить на поиски пропитания!

– Что ты хотела этим сказать? – Никос оторвался от изумительного вида и обвиняюще уставился на меня, как прокурор в суде.

Ну обломала я ему пальму. И что?

– Хотела, чтобы ты почувствовал себя как боров в опунции и финиках, – пояснила я свой художественный замысел.

– Хряк, – педантично поправил меня он, начиная снова злиться.

– Еще раз перебеешь, – нахмурилась я, – будет хряк!.. И боров!

– Джу-ул!!! – Он уже просто извергал звуки, как вулкан лаву. – А если откровенно?

– А если откровенно... – Я тихонько, мелкими перебежками перемещалась поближе к выходу. – Хотела наглядно показать фигами – какой ты фиговый мужик!

– Убью. – Он так спокойно и даже буднично это сказал, что я поверила сразу и безусловно и тут же удвоила свои усилия по спасению. – Сначала поимею, а потом убью!

– А можно сразу начать с последнего пункта? – совершенно серьезно спросила я. – Мне так будет легче примириться с твоим существованием!

– Ты предпочитаешь смерть сексу со мной? – До него наконец-то дошло. Нет, не дошло – доперло! Боже, какой это, оказывается, трудный и невероятно извилистый путь!

– Какой ты догадливый! – похвалила я его. Надо бы сахарком для поощрения приманить, но это плохо влияет на зубы. Дареному коню, конечно, в рот не смотрят... зато под хвост заглядывают.

– Ты очень явно это показываешь, – ухмыльнулся Никос.

Тут он совершил несусветную глупость и повернулся ко мне спиной. Эй! А как же я? Удери ведь!

Молчание, повисшее в комнате, можно было резать ножом или стругать на терке.

Наконец мне надоело. Я подвисла, словно плохая операционная система: и уйти неудобно, и остаться стремно.

– Отпусти меня с миром, – предприняла я еще одну попытку к сексуальному разоружению, – и никто не пострадает.

– Не могу, – спокойно ответил он, не оборачиваясь. – Хотел бы, но не могу! – Тяжело вздохнул. – Я одержим тобой с первой встречи. Ты моя судьба.

У моего бортового компьютера случилась перезагрузка. Наверное, сбой системы ПВО, иначе зачем я отлепилась от безопасной двери и встала рядом?

Мы глазели на заходящее солнце и молчали. Я в мужских трусах и майке, мой кавалер – в пестрой шелковой гавайке и облегченных бермудах. Видок у обоих прилично потрепанный. Словом, парочка подобралась – что надо. Нарочно не придумаешь.

– Я находился по делам в Нью-Йорке. Мне было нужно рано утром в Сити, – внезапно нарушил молчание Никос. – Мой водитель выбрал дорогу вдоль побережья океана, зная, как я люблю этот вид...

Если мне сейчас будут исповедоваться, то я не готова морально! Мне нужно время и силы, а я голодная!

– ...Впереди по набережной бежала тонкая фигурка, переливающаяся в ярких рассветных лучах. Меня это заинтересовало. Я попросил водителя ехать помедленнее, но тут это странное создание выскочило на парапет, потянулось навстречу солнцу и сорвало с головы бандану. Твои волосы...

Я искоса глянула на Казидиса. Он стоял, прикрыв глаза тяжелыми веками, как будто находясь во власти сильных воспоминаний. Кто его знает – может, так оно и было. Но я против! Я не хочу быть чьим-то лучшим воспоминанием, я хочу быть мимолетным независимым видением! Но, видно, не с моим счастьем...

– ...Твои волосы падали так медленно, словно передо мной прокрутили замедленные кадры. Ниспадали, золотым плащом окутывая твою фигурку... Они так горели на солнце... ты казалась волшебной жар-птицей...

Точно! И ты сразу протянул свои загребущие ручонки к жару! Тебя мама в детстве не предупреждала о бережном обращении с огнем?

И в унисон моим размышлениям:

– ...Я не мог устоять. Мне нужно было назавтра лететь в Грецию, и я сделал все, чтобы ты улетела со мной...

– Зря, – сообщила я ему. – У тебя нет шансов. Теперь, по крайней мере.

– Совсем? – Его спокойствие было каким-то странным, я бы сказала – обреченным. Будто он вынужден сделать сейчас нечто такое, о чем неоднократно пожалеет. И это мне не нравилось!

– Совсем, – подтвердила я.

– У меня для тебя кое-что есть. – Никос вдруг оторвался от созерцания заката и

направился в кабинет.

Сейчас ка-ак увидит... К разочарованию приплюсуется злость, помножится на желание, и в результате... «Прости, дорогая, но ты уже не девушка!»

Я закусила нижнюю губу и пошлепала за ним, решив для себя раз и навсегда: в борьбе за право собственности нет полов! Когда наступит время решать, я ежика против шерсти поцелую, но идею феминизма не предаю! И если нужно – выбью основные принципы у него на ребрах!

Но я ошиблась. В кабинете Никос достал из оскверненного мною сейфа простой белый конверт и невозмутимо протянул мне.

Брать не хотелось, но интуиция приказала: «Лучше сама и спокойно, чем в лицо и эмоционально».

Когда я открывала «ящик Пандоры», то не сводила глаз с Ника, а он застыл каменной статуей, следя за моими руками.

Все! Я тебе не Конперфильд! Шоу не показываю! Билетов не покупаю – не продаю! Э-э-э... Как-то я погорячилась... Можно один билет до Нью-Йорка, а то «сами мы не местные»?..

Да-да. Вашими усилиями!

В конверте обнаружились фотографии.

– Что ты думаешь по этому поводу?.. – непривычно тихо спросил шантажист-самоучка.

– Красивые фотки, – поделилась я впечатлением. – Мм... цветные.

– Тебе нравится? – Это сарказм или ирония?..

– Нет. – Это уже честно.

– Ты понимаешь, что я, даже пальцем не пошевелив, могу причинить твоей матери кучу огромных неприятностей? – Спокойно так... выдержанно. Как будто многолетняя практика шантажа за плечами. А может, и так.

– Понимаю, – кивнула я, аккуратно вкладывая фотографии обратно в конверт и возвращая ему.

– И что скажешь по этому поводу? – Он задержал мою руку в своей ладони.

– То, что я думаю, не говорят вслух даже в твоём обществе. – Руку я попыталась вернуть, но конечность решила еще немножко побыть в иммиграции. В карантине, так сказать.

– Твое решение?

Хочу тебя, мое твАренье, немного попинав слегка, спустить с любого этажа, повыше...

В ответ – тишина.

– Требования?.. – Какой-то он неправильный шантажист! Как будто я держу его за горло и нагло шантажирую... Я! А не он меня!

Опять долгая пауза.

– Ты знаешь, – неестественно криво улыбался Никос помертвевшим лицом, больно сжимая мне кисть. Скорей всего, назад я получу не руку, а ласту. – Я хочу тебя.

– Печально, – заметила я, причем совершенно искренне. – А я тебя – НЕТ!

– Врешь, – не выдержал он образа печального рыцаря, соблазняющего прекрасную даму пошлыми порнографическими фотографиями. – Ты так страстно отвечала мне в бассейне...

– Это инстинкт, – не скупясь, поделилась я банальной прозой жизни. – В воде меня всегда тянет двигаться...

– Джу-ул... – Парню надоело быть пай-мальчиком, и он решил вспомнить о своей жестокой сущности охотника. – Я серьезно. Я не отпущу тебя отсюда и могу устроить целую

кучу неприятностей ей... – Он кивнул на пачку фотографий в конверте.

– Устраивай, – спокойно отреагировала моя персона, с удовлетворением разглядывая выпученные глаза и отвисшую челюсть. – На все воля Божья!

– Тебе... все равно?

Опа! Это просто невероятно! Неужели дошло?!

– Я и тогда, и сейчас готова уйти от тебя любой ценой... Даже ценой жизни, – оскалилась жертва выброса избыточного тестостерона, выдергивая руку и на всякий случай припрятывая обе конечности за спину.

– Почему?!

Хм, действительно – почему? Почему я должна подчиняться этому чернявому быку-производителю, которому приглючилась во сне длинноволосая птица счастья? Не синяя – и то слава богу!

– Потому, что ты мне не нужен и, уступив, я потеряю самоуважение и желание жить дальше! – попыталась объяснить. – Так зачем начинать? Когда сразу можно закончить?

– И тебе безразлична ее судьба? Ее чувства?.. – Никос кивнул в сторону конверта.

– Не-эт, – честно ответила я. – Но она не будет счастливо жить дальше, зная, что я сделала для нее. К тому же если меня не станет, то и тебе не будет смысла напрягаться и мстить. Впрочем, мне на тот момент будет все глубоко безразлично...

– Кто может повлиять на твое решение? – Все же этот мужчина оказался убийственно настырным и смертельно навязчивым. Такая себе удушающая лиана.

– Если только Господь Бог, – честно сказала я, не собираясь продолжать этот бессмысленный разговор.

– Если ты подскажешь – КАК еще я смогу тебя получить, я не причиню ей вреда, – у самой двери остановил меня тихий бесцветный голос.

Меня шибануло такой волной черного отчаяния, словно человека собираются казнить через повешение, он вынужденно набрасывает на шею себе веревку и при этом слезно умоляет не выбивать из-под его ног стул. Нет, похититель у меня однозначно неправильный!

Я застыла и начала срочно вычислять. Та-ак... Чего у нас боится мистер Казидис? Что для него дороже всего? Чем он больше всего гордится и что страшится потерять? Какая тема муссируется из журнала в журнал? О! Придумала! Мое лицо приняло расчетливое выражение. Когда для дела нужно, из меня получается хорошая лгунья. Отличная!

– Женись на мне! – заявила я, прокрутив в голове все имеющиеся у меня сведения и абсолютно уверенная в успехе.

Не ошиблась. Никос застыл как громом пораженный, и я смогла тихо улизнуть к себе.

Кто-то выходит замуж, а кого-то туда вносят!

– Я согласен! – надо мной раздался как гром посреди ясного неба взволнованный мужской голос. Но, правда, посреди ночи.

И вам хорошо почивать, благородный сэр! Доброй ночи, дорогие мои! Очень приятно!

Я тихо и мирно спала и никого не трогала. Когда меня осчастливили, как раз досматривала очень приятный сон с райскими кущами и пальмами с кокосами, которые сами падали в руки. С дырочкой, в которую уже просунута соломинка. И снились мне большие подносы, полные ягод и фруктов. Вот что голод с людьми делает!

– С чем? – широко зевнула я, не желая просыпаться. – Только не говори, что ты решил поступиться принципами и влиться в ряды альтруистов...

– Я согласен на тебе жениться! – И так торжественно и печально, что захотелось скорбно пособолезновать и всячески обругать бездушного виновника трагических событий.

Ой! Это ж я!

– Это гораздо хуже альтруизма! – пробурчала я, отчетливо понимая – мирно поспать мне уже не удастся. Никогда.

– Ты рада? – С этими словами воодушевленный Никос решительно включил верхний свет.

Я открыла и сразу закрыла глаза. Ох уж этот бешеный Никос! Всклопоченный, шикарный и... абсолютно ненормальный.

Да. Свет-то он включил. И тотчас увидел, КАК я рада и насколько! Мою физиономию аж перекосило от неземного блаженства! И расперло... тоже от счастья. Во все стороны. Будто проглотила галлон^[10] неразбавленного уксуса. Остается только цианидом для полного счастья закусить!

Потоки жизнерадостности вытекали из меня, словно кровь из открытой раны. В никуда.

– Мне кажется, ты принял... мм... необдуманно поспешное решение, – осторожно сказала я, открыв один глаз и попытавшись отыскать у него на физиономии следы разума. Следов было много, даже слишком, они прямо избороздили высокое чело. Но... как-то все больше не интеллектуальные. Скорее даже наоборот...

– Почему же? – Он плюхнулся ко мне на кровать и стал доходчиво показывать в лицах, как ему хорошо перед тем думалось. – Это взвешенное решение.

Второй глаз у меня открылся сам, когда проснувшаяся часть мозга начала подавать сигналы. Потом я стала анализировать полученные данные и внезапно поняла, КАК я влипла. А когда непроснувшаяся доля мозга пять минут спустя включилась в работу – КУДА.

– Выкинь-ка ты эти весы куда подальше, – чисто по-дружески посоветовала я. Из самых наилучших побуждений. – Они врут! Ты еще слишком молод, чтобы загубить свою жизнь в моих объятиях, поверь!

– Готов рискнуть, – с горящими глазами заверил меня Казидис, явно намереваясь в эти самые объятия попасть незамедлительно.

МАМА!

А до меня только что дошло! Я же после этого тоже буду Казидис! Джул Казидис! КАЗИДИС!!! Хуже только Джейн Доу!^[11]

И я так мрачно сжала одеяло, вцепившись намертво, что Никос мигом передумал спешить на брачное ложе и решил сначала немного пожениться.

Живым.

И у него совсем неплохо это получалось. Для начала мужчина ретировался на безопасное расстояние, прикинув на глаз (который лишний), где я его не сразу прицелью, и прицельно метнул в меня алой бархатной коробочкой с золотой виньеткой.

– Это тебе, дорогая!

Я машинально открыла, и у меня возник только один актуальный вопрос:

– Это было самым маленьким в магазине? С ограненными кирпичами и обломками промышленного строительного лома там колец случайно не продавали?

Ник пожал широкими плечами:

– Извини, милая, брачные наручники еще не вошли в моду!

– Предлагаю в обязательном порядке срочно наверстать это упущение, – заявила я, рассматривая изумруд размером с ноготь его большого пальца в окружении россыпи бриллиантов. – А! И ввести в моду брачную удавку. Получится дешево и сердито. Набор для молодоженов: пара футов пеньки и мыло! – С праздничным оскалом: – Хочешь, подарю?

– Не стоит так беспокоиться, – ласково, словно акула перед броском, улыбнулся в ответ Каз... Нет, это выше моих сил! Как примерю на себя, так жить уже заранее не хочется!

– Никос, я хочу в браке оставить свою фамилию, – осторожно прощупала я его намерения.

Судя по тому, как его брови решили взять выходной и взлетели к линии волос, такого выпада он не ожидал.

– Нет! – сказал он. – Мой ангел, ты непременно возьмешь мою фамилию вместе со мной.

– А можно я буду скромной и ничего не возьму? – поинтересовалась я на всякий случай.

Никос обиделся:

– Ты определись! Вчера ты выдвинула условие, и я на него согласился, а сегодня идешь на попятный?! Так дела не делаются!

– Могу заплатить неустойку своим отсутствием! – расщедрилась я. – И даже принести мои самые искренние соболез... извинения!

– Ты ВЫЙДЕШЬ за меня замуж! – Таким тоном русские посылают на... Ну в общем – посылают.

– Кто сказал? – Я уже отчаянно цеплялась за соломинку, как тот утопающий в ледяной проруби. Вдруг обойдемся без двойного счастья?

– Я!!!

Как будто кто-то сомневался!

– А как же второй шанс? – уперлась я. – Каждому приговоренному дают второй шанс! Где этот шанс для меня? Чем я хуже?!

– У тебя не будет ни второго, ни третьего, – весьма зловеще процедил Никос, опасно сверкая глазами неприрученного зверя. – У тебя буду только я и этот остров!

– Феноменально! – опешила я. – А поторговаться можно? Ну чтоб мне остался только остров... С ним я вполне уживусь, а с тобой... Прямо не знаю, что и сказать...

– Тогда молчи! – посоветовал мужчина, из последних сил сдерживаясь. – И привыкай к мысли обо мне!

– К этому привыкнуть нельзя! – честно призналась я. Спокойно предложила: – Никос.

Давай договоримся по-хорошему. Подари мне большой бульжник, можно даже не из драгоценных камней, обычный... А я сама раздобуду веревку, повешу себе на шею и попрощаюсь с тобой по-дружески... перед тем как бултыхнуться с обрыва вниз...

– НЕТ! – Эта идея ему не понравилась категорически. Скорей всего, Никосу было жалко терять камень. Жлоб! Редкий скупердяй и жлоб! – Утром вы отправитесь за свадебным платьем! А пока спи!

Ага-ага. После такого если и уснешь, то вечным сном.

Уснуть я, естественно, не уснула. Куда мне! Понятное дело, предсвадебная лихорадка. Нервы, свои и чужие. Особенно чужие... Предчувствия. Нехорошие и много. Жалость к себе и сочувствие к окружающей среде...

В общем, организм бурлил в предчувствии катаклизмов, а мозг вскипал в черепной коробке, как суп в походном котелке.

Так что я не спала. Правда, немного подремала. До тех пор, пока не пришла несчастная, замученная горничная и не начала мне рассказывать на ломаном английском:

– Мадам, не пошли бы вы в сад!

Я сладко зевнула, потянулась и ответила:

– Я бы и в Салоники пешком пошла, только зачем?..

– Вас там поймеют, – освежила мой словарный запас безымянная черноокая гречанка, сильно коверкая иностранные слова.

Первое время я даже не нашлась с ответом – никак не могла переварить сложную информацию. Потом все же отозвалась:

– Правда? – подняла я брови. – И кто такой смелый? И сколько сразу? К чему мне готовиться?

– Два мужчины... мнэ-э-э... ждут, – сказала косноязычная дева. – Остальные готовятся.

– О как! – подивилась я. – Тогда пойду посмотрю, кто там такой смелый в клубе самоубийц.

Но пошла не сразу. Сначала умылась и переоделась. Трусов я натырила целую кучу, теперь могла переодеваться по пять раз на дню, радуя стильным видом окружающих.

Я выглядела просто сногшибательно в синей майке и голубых шелковых боксерах с ромбовидным белым принтом.

И вот тому прямое подтверждение: когда спустилась, то сразу прочувствовала мужское пристальное внимание. Георгиоса – того просто перекосило, а охрану вообще... переклинило намертво.

– Без завтрака никуда не поеду! – сообщила я застывшим в алых лучах рассвета статуям.

– Ты вроде такая мелкая, а такая прожорливая! – немедленно поспешил меня обидеть Йоргос.

– Не надо, – мягко вступился Аристарх. – Девочка растет. Ей нужно много витаминов и минералов...

– Растет?! КУДА?! Куда она растет? – обиделся эсбэшник, еще не отошедший от вчерашнего насильственного альпинизма. – Тут уже все выросло! – И чуть было не изобразил в подробностях.

– Что именно? – Я решила до еды не буянить. Это плохо влияет на пищеварительный процесс.

– Что выросло, – дальше шепотом по-гречески и очень неприлично, – то выросло! – припечатал Георгиос, сопровождая меня в столовую.

Кухарка ко мне выйти наотрез отказалась, и нас кормила охрана, подтаскивающая блюда с яичницей, сосисками, беконом, овечьим сыром, йогуртом, маслом, медом, лепешками и прочими вкусностями.

Мне даже дрожащей рукой налили кофе в чашку! Не то что Йоргосу – прямо на колени. И завтрак у нас вышел очень театральный и национально колоритный.

В процессе общения начальника с подчиненными выяснилось: когда он оторвет им руки и вставит в нужное место, мы дружной компанией двинем в Афины, в свадебный салон. Цитирую: «За той тряпкой, в которой тебя похоронить мало!»

Тут вмешался доктор:

– Не порть девочке торжественный день. Она должна радоваться этому событию!

Я уже хотела улыбнуться...

– Этого дня она ждала всю свою жизнь! – закончил добрый Аристарх.

Я подавилась.

Когда мне выбили наружу легкие и я смогла хоть как-то дышать, утирая слезы, доктор добавил:

– Видишь, черствый ты человек, как она сентиментальна! Плачет...

Слова застряли у меня в горле. Только ресницы – блым-блым... и то... не сильно. Вытаращенные глаза мешали. И не одной мне, кстати.

Георгиос тот вообще в астрал выпал. Только и смог произнести:

– Какой сентиментальный крокодил!

– Благодарю! – безмерно возгордилась я, принимая абсолютно невинный вид.

Йоргос поежился.

По дороге к вертолету выяснилось: мы летим впятером. Я и четверо сопровождающих мужчин. Их что, набрали по одному на каждую конечность? А голова уже не считается?

Если я правильно поняла, то Георгиоса посылают охранять меня; Аристарха – охранять Йоргоса от меня; а охрана в качестве присмотра, чтобы Георгиос не прибил втихую невесту и не закопал под первым попавшимся кустом. Думается, вторая задача моей личной охраны – путаться под ногами и создавать эффект массового присутствия.

– В вертолете нельзя открывать двери, высовываться в... окна, толкать локтями и коленками пилота и пассажиров, кричать, визжать и лягаться... – бухтел эсбэшник, запихивая меня в самый хвост.

Они думают, я повыкидываю всех из вертолета и угоню его в Турцию? В Албанию? В Эмираты?! Хорошо, допустим. Теперь объясните мне, чего я там не видела?.. Верблюдов? Шейхов? Арабов? Бедуинов? Или меня, по-вашему, преследует идея фикс сменять шило на мыло и один гарем на другой?!

Полет прошел... просто отлично! Сопровождающие так перенервничали, ожидая от меня всяческих пакостей, что мне даже отдельно напрягаться не пришлось.

[Купить полную версию книги](#)

В английской системе мер фут равен 0,3048 м, дюйм равен 2,54 см.

Вы говорите по-французски?

Вы говорите по-испански?

Популярная песня певицы Paulina Rubio.

Христианская протестантская секта весьма строгих нравов, организованная в 16 в. Симонсом Менно.

Американская сеть экспресс-кафе.

Буйабес, буйабесс (*фр.* Bouillabaisse), может применяться наименование «марсельская уха» – блюдо французской кухни, рыбный суп, характерный для средиземноморского побережья Франции. Является оригинальным провансальским рыбным супом, требует предварительного обжаривания овощей и 1 кг рыбы на порцию ухи. Элитные варианты буйабес приготавливают из омаров и прочих дорогостоящих морепродуктов.

Лу-де-мер – рыбное блюдо французской кухни.

Логическая задача Булоса. Есть три бога: А, В и С, которые являются богами истины, лжи и случая в произвольном порядке. Бог истины всегда говорит правду, бог лжи – всегда обманывает, бог случая может говорить и правду и ложь в произвольном порядке. Требуется определить богов, задав 3 вопроса, на которые можно ответить «да» или «нет». Каждый вопрос задается только одному богу. Боги понимают язык, но отвечают на своем языке, в котором есть 2 слова – «da» и «ja», причем неизвестно, какое слово обозначает «да», а какое «нет».

1 американский галлон – 3,785 л.

Джейн Доу (Jane Doe) – устаревший термин, использовавшийся в английском суде в ситуации, когда настоящая истица неизвестна или анонимна. Очень часто под этим псевдонимом подразумевалось неопознанное тело женщины. В общем значении – малозначительная особа, неизвестная, пустое место.